

О. А. БЕЛОВА

**«Да» и «Нет»
в современных условиях**

СБОРНИК РАССКАЗОВ

18+

Ольга Белова

**«Да» и «Нет» в
современных условиях**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Белова О. А.

«Да» и «Нет» в современных условиях / О. А. Белова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

«„Да“ и „Нет“ в современных условиях» — Герои рассказа оказываются на семинаре по кролиководству. Приглашаем всех присоединиться! «Тёть, дай три рубля!» — С этой просьбой обращается к покупателям 16-летний Юрик. Возвратившись домой, «Татьяна Телегина» обнаруживает Евгения. Чем закончится история современной любви? На стыке реальности и вымысла рассказы «Version 16», «32° F». «Эстафета» шорт-лист конкурса «Реальная помощь», 2018. «Да и Нет в современных условиях» включен в собрание сочинений «Литературный фонд» 2018. Финалисты Премии «Писатель года»: «Муж на час» 2015, «Сообщество покинувших раковины» 2014

© Белова О. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Тётъ, дай три рубля!	5
Муж на час	8
Бедная Лиза	13
32 градуса по Фаренгейту	17
XXL	22
Настоящий мужчина	25
Татьяна Телегина	27
Сообщество покинувших раковины	30
Эстафета	34
След на стекле	38
Напарницы	41
У подружки на макушке	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Тётъ, дай три рубля!

Таких не берут в космонавты!
(Текст песни – А. Гордеев)

Юрец внимательнейшим образом исследовал открыточное хозяйство. На всех рядах наблюдалось неприятное засилье кошачьих. Усатые задували свечки, пили за здоровье, чествовали юбиляров, не обошлось без них и свадебное застолье. Два кольца, два хвоста, свитые в пульсирующее сердце. Кошачье отродье Юрик не любил, другое дело ... – мысль о собаке пришла не сразу. Если так ничего и не найдет, можно схохмить, взять открытку с Тузиком в память о легендарных Белке и Стрелке. Только бы заценили Вася, Артур и Ромчик...

Глянув на часы, Юрик нахмурился. Минутная готовность. Даже, если включить все двигатели, всё равно не успеешь. К тому же первым История, можно и прогулять... Вторым алгебра, алгебру желательно не пропускать. Школа у них ни какая-нибудь, с уклоном, пока другие иксы туда-сюда гоняют, у них программа почти вузовская.

Выбрав открытку с псом, Юрик дал задний ход, едва не снес рюкзаком стенд с газетами, подхватил пошатнувшуюся конструкцию и поставил все на место. На полке среди прочих прямо перед его носом стоял толстый глянцевоый журнал. На обложке из нижнего угла в верхний летала блестящая пуля ракеты. Тузик и думать не думал, что однажды окажется среди роскошной жизни, дорогих машин, красивых женщин. Засунув куда-то открытку, Юрик потянулся к ракете. Зачетная обложка. Приятная тяжесть. В тему картинка. Листаешь, ветерком обдувает, сразу видно – издание солидное. С таким не стыдно подойти к человеку...

Сверившись с ценником, юноша поправил врезавшуюся в плечо ляжку, потревожил девственный пушок на подбородке и, с твердым намерением не расставаться, зажал журнал под мышкой. Все карманы были тут же тщательнейшим образом обшарены. Наскрести удалось не много, часть суммы набегала мелкой монеткой, которую и в аптеках давно не брали, но Юрик не брезговал и ею. Итог был не утешителен – не хватало трех рублей. Путаясь в элементарной арифметике, Юрик пересчитал все еще раз. Подбравшись к заветной сумме настолько близко, с трудом верилось в то, что какие-то паршивые 3 рубля могут испортить всю малину! Не хватало 6 рублей пятьдесят, еще куда ни шло... Но тут действовал какой-то закон подлости: чем меньше была недостающая сумма – тем было обиднее... Вопрос стал ребром: или Тузик, который ни разу не похож ни на Белку, ни тем более на Стрелку или...

Прямо на Юрика шла женщина.

– Тётъ, дай три рубля! – юноша и сам не понял как из него вылетели эти позорные «три рубля».

Тележка аккуратненько его объехала и покатила дальше. Развернутая спина больно резанула. Стало нестерпимо стыдно. Юрик готов был тут же поставить на место ненавистный журнал, и топтать в школу с пустыми руками, в конце концов, ничего страшного в этом нет, сунет клочок бумаги, и на нем можно черкнуть пару слов... Пусть другие выпендриваются.

Удаляясь, женщина кидала и кидала все, что попадалось ей под руку.

Внутри, постепенно разгоняясь, все забурлило, заклокотало. «Чтоб ты провалилась вместе со своею тележкой!» – Юноша решил изменить тактику. Не повезло с бабой, может повезет с мужиком?

– Вы не могли бы дать 3 рубля? – обратился Юрик к проходящему мимо мужчине в приличном пальто и модной шапочке с помпоном. Тележка аккуратненько его объехала.

– Глухой что ли? – нарочно довольно громко проговорил Юрец. – Ни один нормальный мужик не будет ходить в такой отстойной шляпе...

Внутри все с новой силой вскипело, однако продолжалась и продуктивная работа. Шел усиленный поиск решения. Злость процесс только подстегивала.

«Больной на всю голову», – вынес сам себе неожиданный вердикт юноша, – «Ну, кто в наше время будет просто так давать деньги?! Нужно ж объяснить людям! Мало ли таких ходит, стреляют на колеса и курево...»

Юрик почувствовал себя увереннее и смело шагнул навстречу приближающейся к нему женщине.

– Добрый день! Сегодня к нам в школу приезжает космонавт ..., – с пионерским задором начал он, – Может смотрели фильм? Тот, который падал из космоса... После выступления будет раздавать автографы... А у меня не хватает... на журнал...не могли бы ... Вы..., – сдувшись, закончил юнец.

Тележка аккуратненько его объехала: – А родители на что?! – удивилась покупательница.

Юрик остался стоять, как водою облитый. Отчасти тётя была права. На такое дело мать бы ему и 500 рублей выделила, но он позорно забыл попросить у нее денег. Сколько раз мать ему талдычила: рюкзак собирать с вечера, ключи не забывать, и вообще думать обо всем заранее! И все равно!... Даже после устроенной самолично головомойки Юрику казалось, что после его объяснения – такого честного, ясного, прямого, – отказать ему невозможно!

Юноша пропихнул в себя ком. Вернулся к стенду. Как на зло подешевле космического больше и близко ничего не было.

«Ну, и пусть!» – быстро оглядевшись, юноша дернул за молнию. Откажись он сейчас от журнала – сам бы себя перестал уважать, считал трусом! Не успел Юрик застегнуться, внутри шевельнулся червь сомнения, – «А что если поймают? Как он матери в глаза смотреть будет?» Юноша готов был тут же вытащить змеей притаившийся на груди журнал, но его с новой силой обуяла злость, – «Неужели им 3 рубля жалко?! У одной вон колесики на тележке подгибаются! Набрала всякого хлама! Тюбики, баночки, флакончики! А космос – ведь это даже сейчас круто! Не каждый слетать может!»

В борьбе и сомнениях молодой человек упрямо двинулся к кассе. В очереди было всего-то два человека (с утра народ не очень шастает по магазинам), пристроившись третьим, Юрец понял, как ему страшно! Журнал колом стоял под курткой. Юрик был уверен, что все вокруг это заметили, но почему-то молчат... Лента подтягивалась, юноша положил на нее жвачку со взрывом, сообразив, что для виду нужно хоть что-то купить... По ту сторону кассы появился охранник. «Трус. Вор. Космонавт.» – Застучало в ушах... Заметив охранника, Юрик посыпал голову пеплом. «В школу обязательно сообщат... С хорошей репутацией можно распрощаться... Отец стопудово закрутит гайки... Жизнь станет, как во времена татаро-монгольского ига...»

– Добрый день, – сказала пока еще не ему сидящая за кассой женщина, – Пакет нужен?

Юрик поставил на неё глаза.

Отличающийся отменным нюхом охранник держал Юрика на мушке.

– Добрый день! – дошла его очередь, – Пакет нужен?

Охранник поднес ко рту рацию... Вокруг зашумели вертолеты... Подтягивалось подкрепление...

– Быстро всё на ленту, – тихо скомандовала кассирша.

Юрец схватился за живот.

– Быстро, – прошипела женщина, – Ну! – подогнала она подростка.

Юрик вжикнул молнией.

Кассир цапнула журнал, пропустила через кассу, пробила товар. На экране высветились 125 рублей.

– А ..., – Юрик запнулся, хотел было что-то сказать, но дядя стоял уже рядом.

– Сегодня действует акция..., – сверля глазами юнца, четко разделяя слова проговорила женщина. Стоящий почти рядом столб она в упор не видела.

Юрик с огромным трудом сообразил, что от него требуется.

Монеты с лязгом и грохотом посыпались на блюдечко.

Кассирша шустро пересчитала деньги, выдала чек.

– Добрый день! – улыбалась она уже следующему покупателю.

Не чувствуя под собой ног, Юрик обошел человека в камуфляже и двинулся к выходу. Журнал торчал под мышкой. Юрец не сразу остановился перевести дух... Вор. Трус. Космонавт. Только что всё это было сжато, спрессовано в одну точку, но, пройдя узловой момент, нижние ступени отделились, упали, разбившись о землю, а что-то потянула к себе высь...

Юноша медленно поплелся к школе. Космонавт к ним в тот день не приехал, извинился, приболел. Больше Юрик в тот магазин не заходил.

Муж на час

– Любезнейшая Прасковья Ильинична!

– Дражайший Николай Спиридонович!

Молодой человек поймал чуть дрожащую руку толстухи, на какое-то мгновение она повисла в воздухе и, лишь после этого, он стал медленно подносить её к губам. Прасковья Ильинична часто заморгала. Ей вдруг стало страшно от того, что губы молодого человека коснутся сейчас её уже не слишком молодой руки, не слишком гладкой кожи.

«О молодость! ты скверная насмешка над женщиной» – свободной рукой Прасковья Ильинична стала теревить подвешенный на поясочке веер, – «мимолетность твоя оскорбительна, обещания твои – сплошь дымка, сплошь обман, и разве после этого ты не злодейка!? И отчего я не гадука?» – промелькнуло в голове у Прасковьи Ильиничны? – «Как это было бы кстати. Скинула бы по весне шкурку и Николай Спиридонович целовал бы сейчас гладкую, нежную ручку».

Женщина все еще боязливо, как будто в смущении опустила глаза и, пользуясь моментом, стала рассматривать склонившегося к её руке мужчину. Николая Спиридонович был безусловно красавец, в нем было много приятного, хотя в настоящий момент взору женщины не открывалось ничего, кроме учтиво склонённой головы с подрагивающим вихром. Поцелуй, пока еще не долетевший до ручки, но уже успевший привести Прасковью Ильиничну в неопикуемый трепет, позволил непростительно взвиться её мечтам и пусть даже не на долго, но поверить в искренность чувств Николая Спиридоновича. Николай Спиридонович, со своей стороны, уже не раз принимался говорить слова любви, но даже видя осколки разбитого сердца женщина каждый раз жестоко его обрывала, не позволяя ни себе, ни ему ни на что надеяться...

«Нужно быть не в своем уме, чтобы поверить в то, что такой вот бонвиван, как Николай Спиридонович мог мною увлечься!» – с горечью, почти сердито думала Прасковья Ильинична, – «Он конечно необыкновенно обходителен, деликатен, но во всех этих жестах нет ничего, ничего, кроме... хорошего тона!!! Ведь нельзя же это не понимать!» – все еще пыталась совладать с собой женщина, но сердце её постукивало всё глуше и глуше, в желаниях опять проскакивала дерзость, – «А что если под личиной светской учтивости и холодной вежливости скрывается... нежность?! Нет! Ну от всего этого можно просто сойти с ума!»

Пока Прасковья Ильинична пыталась снова обрести стройность мысли, Николай Спиридонович, выпрямился и теперь стоял, не зная куда деть руки, карманы сюртука оказались неожиданно крохотными. Женщина так и не разобрала коснулся ли он губами ее ручки или нет, лицо мужчины осталось непроницаемым, с замиранием сердца она опять подумала о том, что уже не так молода и свежа, не так легка и воздушна, а напротив, много в ней непропорционального, вся она до неприличия сдобненькая, и даже лицо у нее, как блюдце кругленькое.

– Я хотела просить Вас остаться, Николай Спиридонович, и откусать чаю, – озираясь проговорила Прасковья Ильинична, – Я прикажу Настасье... ставить самовар...

– Вы необыкновенно добры, – мужчина вдруг отскочил от барыни, что как-то не очень вязалось со всей интонацией, – Но я должен... идти! – чуть подумав мужчина добавил, – Да и Тимофей Кириллович должно быть... сейчас вернется со службы, вы должно быть... его поджидаете??

– Ах, – Прасковья Ильинична всплеснула руками, ловко вытащила откуда-то из-под юбки платочек и поднесла его к глазам, – Не говорите ни слова о Тимофее Кирилловиче! Это деспот! Это тиран! Тиран всей моей жизни! – платок также быстро исчез, промокнув сухие глаза. – Меня выдали за Тимофея Кирилловича, когда мне исполнилось оснадцать... Он мне уже тогда казался совсем стариком!!

(Прасковья Ильинична была из бедного семейства, и выйдя замуж за Тимофея Кирилловича она спасла от нищеты всех своих близких. История слишком обыкновенная, слишком часто встречающаяся, и в то же время благородная.)

– Но я вознаграждена, наша встреча... – воздух вокруг стал раскаленным, дышать стало труднее, Прасковью Ильиничну было уже не удержать, она как будто кинулась с обрыва, говорила сбивчиво, суетно, но неожиданно смело, в ее словах заискрилось неподдельное чувство, – Да, я страдала, я много страдала, но я... Встретила Вас! И теперь Я – Ваша! – Прасковья Ильинична вдруг встала, как вкопанная, зарделась, потупила глаза, было слишком заметно скольких мук ей стоило это признание.

Казалось еще секунда и влюбленные упадут в объятия друг друга.

Повисла пауза, молодой человек стоял, не шелохнувшись.

«Да что ж это!» – женщина с досадой, почти зло глянула на молодого человека, – «Я тут стою во всем признавшись, а он...» – Прасковья Ильинична вдруг подхватила тяжелое платье и с легкостью бабочки подскочила к Николаю Спиридоновичу.

Не успела широкая, в несколько обручей юбка допрыгать до него, как молодой человек грохнулся на пол.

– Ах, – только и успел проговорить он.

Никто никогда не смотрел на Прасковью Ильиничну так трепетно и умоляюще-нежно. Как на милого друга!

– Ах! – затрепетала и Прасковья Ильинична. Николай Спиридонович тесно обнял ее колени и издал еще один слабый стон. Прасковья Ильинична с опаской глянула вниз, на копошащегося в юбках Николая Спиридоновича, и краем глаза заметила, что лицо его перекопилось от боли.

«Так и есть, – с досадой подумала женщина. – Разбил себе колено... Грохнулся со всего маху об пол!»

Мужчина, все еще шубуршась в дамском платье, действительно незаметно тер коленку.

– Ну же! – шепнула нетерпеливо Прасковья Ильинична.

– Я знаю... я не в праве требовать от вас... – Николай Спиридонович, наконец обрел дар речи, крихтя, поднялся, прерванное объяснение продолжилось, – тем более рассчитывать на вашу взаимность... Я должен был молчать и не тревожить вас... не говорить вам о любви... но это... это выше моих сил, – бархатный голос Николая Спиридоновича зазвенел, стал еще нежнее, вкрадчивее...

Прасковье Ильиничне было почти дурно – с каким бы наслаждением она сказала бы ему сейчас, что готова на всё ради любви! Момент наступил кульминационный.

– Мне нужны только вы, – прохрипел Николай Спиридонович. Глаза его безумно заблестели.

– Ах, – Прасковья Ильинична готова была куда угодно бежать, только бы скрыть от него свой стыдливый взор, но путь ей ловко преградили, она и не заметила, как упала в объятия! И теперь большая, мягкая Прасковья Ильинична трепетала в ручищах Николая Спиридоновича все равно что маленькая птичка. Сердце её чуть было не выскакивало из корсета, ради таких моментов стоило жить!

«Ах, как все это хорошо,» – впопыхах подумала Прасковья Ильинична.

– Я не знаю... в праве ли вы ждать от меня ответа? – спустя несколько мгновений женщина на силу вырвалась, причем пересилить нужно было не изящного, худенького Николая Спиридоновича, а самое себя.

– Я не могу вам ответить взаимностью, – беглянка быстрым движением оправила выбившийся локон, – Вам это должно быть известно... Я замужем и останусь верна... Тимофею Кирилловичу!

Больше её не слушая, молодой человек стал взад-вперед метаться по комнате, слова Прасковьи Ильиничны его слишком ранили. Он и не заметил, как пауза опять затянулась. Пауза все дольше тянулась, и стала похожа уже не на паузу, а на безобразие. Запыхавшийся Николай Спиридонович уже несколько раз бросил тревожный взгляд на остановившуюся посреди комнаты и застывшую Прасковью Ильиничну. Она не двигалась, не говорила, казалось даже не дышала, а просто стояла и как очумелая водила глазами. Николай Спиридонович бросился к ней.

«Старая курица, опять текст забыла! – промелькнуло на лету в голове Николая Спиридоновича, – Ну сколько можно говорить, что слова нужно учить!! Нужно учить слова!!»

Огромный кусок текста действительно вылетел из головы Прасковьи Ильиничны, конечно она уже догадывалась, что если он не будет произнесен, смысл пьесы сильно пострадает, а то и вовсе будет непростительно исковеркан. В пьесе ведь каждое слово важно, каждая реплика!

– Я не рассчитываю на вашу взаимность, – выпалил молодой человек, перескочив через ее слова, – Но прошу вас позвольте мне быть рядом с вами, хотя иногда ловить вашу улыбку, и думать о том, что вы дарите её мне одному...

– Как Вам угодно, – Прасковья Ильинична повела роскошными плечами, от смущения ее не осталось и следа.

«Дура! – в ужасе вытаращился не нее молодой человек, – Вон! Гони меня вон!»

Николая Спиридонович вскочил, потом опять упал на стоящий здесь же стул, принялся ломать поля шляпы, вышло очень эффектно.

– Да, да, да, конечно, я же честная девушка, – наконец поняла его женщина. Слава богу, фразу эту Прасковья Ильинична буквально пробубнила себе под нос и она осталась никем, кроме них двоих, не услышанной.

Глаза ее вдруг загорелись.

«А что если в этом месте добавить перчику?! – Прасковья Ильинична лихорадочно соображала, – по пьесе она конечно на веки другому отдана, но этот другой непонятно где, на службе, а тут рядом живой мужик, в силе, в соку и что? уходит не солоно хлебавши... Нет, это не справедливо! не плохо бы чтобы и она его любила, хотя она его и так любит, тайно... А раз так, нужно, чтобы Прасковья Ильинична хотя бы разочек ему что-нибудь позволила, она же в конце концов не каменная! Артур Олегович, конечно, не поощряет постельные сцены, у них серьезная организация, но может быть он увидит в этом высший, художественный смысл?...»

Покувыркаться с Николаем Спиридоновичем, честно говоря, не прочь была бы не одна только Прасковья Ильинична, но и остальные девушки из труппы.

– Так вы согласны? – долетел до нее вопрос.

– Да! Да! Да!

– Стоп! Стоп! Стоп! – Артур Олегович, раскидывая стулья, летел к импровизированной сцене, – Светлана Ивановна! Ау!! Это никуда не годится! Вы меня слышите?! Никуда! Если так дальше пойдет, я вас... я вас... к котам собачьим сниму с роли Прасковьи Ильиничны! – Артур Олегович взвился, по всему было видно, что он раздосадован, – Боже мой, ну за что мне всё это???!!!

Светлана Ивановна поправила корсет и приготовилась к худшему.

Хмыкнув, она поставила свои огромные, коровьи глаза на Артура Олеговича и больше не проронила ни слова.

Артур Олегович работал в их коллективе уже почти год, поговаривали, что раньше он работал в театре, но потом с кем-то там переругался, после чего временно прибил к ним, в том, что временно никто не сомневался, потому как, такой талант, как Артур Олегович, был

слишком заметен, и ему в стенах их «Bacon Street¹ Company», занимающейся внедрением собачьих кормов из Англии на территории России, конечно же было тесно. Пока Артур Олегович прозябал в их компании, он успел поджечь всех идей поставить пьесу. Безусловно знакомый с бизнес инструментарием, Артур Олегович преподнес всё это под соусом сплочения коллектива и повышения культурного уровня сотрудников. Руководство, сначала было отнесшееся к идее с прохладцей, довольно быстро разглядело в ней преимущества: предложение Артура Олеговича оказалось очень даже бюджетненьким, сам он за свои труды не требовал ни копейки, работал на голом энтузиазме (сейчас это редкость, все кругом меркантильные), а спланировать коллектив действительно хоть как-то, но надо. Времена, когда компания тратила внушительные бюджеты на всевозможные тим-билдинги с лазанием по деревьям и полеты всем табором в Турцию, прошли, да и гонять сотрудников по субботам на футбол становилось все затруднительнее (с каждой субботой появлялось все больше недовольных). Предложение Артура Олеговича было принято!

В том, что Артур Олегович молодец вскоре убедились все, даже те немногочисленные сотрудники, которые поначалу не видели за идеей будущего. Режиссер оказался личностью разносторонней, имел богатейший опыт, работал и с классикой, и с современностью. Самое жаркое время в офисе теперь приходилось не на период сдачи годового отчета (хотя и здесь приходилось покрутиться), а на время распределения ролей. Все роли Артур Олегович распределял самолично (руководство как-то попыталось влезть в процесс, однако довольно мирный, спокойный во всем, не касающемся театра, Артур Олегович показал себя с неожиданной стороны: всколыхнулся, посабачился аж с самим директором, и раз и навсегда пресек все попытки кого-бы то ни было влезать в его театральное хозяйство!

Все офисное бабье трепетало в преддверии распределения ролей и конечно все тайно мечтали хоть разочек сыграть с самим режиссёром (дурочки! Как будто не знали, что не всякий сам себе Михалков и возьмется одновременно и за режиссуру, и за исполнение главной роли.) Артур Олегович выходил на сцену только изредка, да и то только для, чтобы показать поворот головы, взмах, чих, вздох!

Светлана Ивановна не отводила стеклянного взора от режиссера, она мало понимала из долетающих до нее слов, мысли ее перескочили на Гамлета. Недавно по офису прошел слух о том, что Артур Олегович будет ставить бессмертную пьесу. Все сразу же кинулись перечитывать первоисточник (к стыду, нужно признаться, что не все в «Bacon Street» были знакомы с произведением, некоторые были даже не в курсе того, что «быть или не быть» именно оттуда). Светлана Ивановна конечно тоже бросилась к первоисточнику, (поговаривали, что Гамлета будет играть сам Костик Лямочкин, директорский водитель; Артур Олегович вообще любил Костика, часто отдавал ему главные роли и называл за какие-то там особенности фактурным). Перечитывая бессмертного драматурга, Светлана Ивановна поначалу даже позволила себе помечтать об Офелии. Нужно отдать ей должное, здесь она повела себя, как женщиной все-таки не лишенная ума и жизненного опыта, она не стала из кожи вон лезть, чтобы заполучить Офелию. На основании того, что было уже сыграно Светлана Ивановна догадалась, что у нее совершенно другое амплуа, к тому же её уже успела заворожить Королева! Здесь была и любовь, и коварство, и предательство. Кому как ни ей играть эту роль! Кроме того, Светлана Ивановна уже успела представить себя в наряде королевы и пришла к выводу, что в таком платье она будет смотреться выигрышнее, чем в пышных кринолинах простушки Прасковьи Ильиничны. Мечтая о королеве Светлана Ивановна не могла не вспомнить и о Горбуновой из планового отдела; Горбунова, как пить дать, тоже будет метить в королевы. Но какая из Горбуновой королева!? Ни стати, ни величественности! Она конечно и сама это знает, но будет лезть из одной вредности и желания насолить! Размышляя о сопернице, Светлана Ивановна

¹ Bacon Street (англ.) – улица Бекона (название созвучно с знаменитой Baker Street) (Здесь и далее прим. автора)

твердо решила ни за что не уступать Гертруду Горбуновой, хотя бы для этого ей пришлось подсыпать негодяйке яду!

«Боже ты мой, вот это жизнь! вот это страсти!» – Светлана Ивановна шумно вздохнула.

– Я вас в последний раз спрашиваю! – пробился сквозь пелену грозный голос Артура Олеговича, – Светлана Ивановна, я к вам обращаюсь! Вы меня слышите?!

Светлана Ивановна не слышала, она смотрела нежным взором на режиссера.

«Какой же он все-таки лапа! Все-то он знает, все понимает... Дома-то что? скуотища, только и остается, что пультом щелкать, а тут на часок, другой у тебя и муж, и любовник! А это ведь совсем другая жизнь...» – грудь Светланы Ивановны трепетно вспорхнула.

Артур Олегович продолжал чихвостить Прасковью Ильиничну.

Бедная Лиза

Посвящается Ксении М.

Ой, блины, блины, блины, вы блиночки мои.²

Мячиком отскочив от пола, Лиза взбралась на пружинистый, мощный степпер, ухвати-лась за рога и, перекидывая бараний вес из стороны в сторону, стала поочередно налегать на лопасти. Чтобы раскочегарить установку потребовалось немалое усилие, педали, вроде как делая одолжение, вошли в ритм, движение, хотя и отдаленно, но стало напоминать ходьбу. Девушка осмотрелась. То там, то сям пытели над фактурой те, ради которых ее сюда и при-несло. Рядом с входной дверью Геркулес в мокрой майке прилаживал пятый по счету блин, с одной стороны было вдавлено 5, а то и 25 (издалека не разберешь). Помножив то и другое на количество дисков, Лиза ужаснулась – запасть на всю эту с выпуклостью рельефность может только зеленая дурочка, но она-то девочка взрослая, вся эта бугристость – чистой воды наду-вательство, по пляжу с таким красивым дяденькой пройтись еще можно, но для далеко идущих целей вариант не годится, поставь такого вагон разгружать – быстрее всех сдуется! Девушка прозондировала зал в поисках того, на кого действительно стоило обратить свой взор – требо-вался мужчина пусть даже и неказистый, но такой, чтоб не только рывком смог сумку от земли оторвать, но еще и пробежался с ней на длинную дистанцию.

На наклонной доске ничком вниз лежал молодой человек и ритмично закидывал пятки, икры синхронно подергивались, играли. Спортсмен вывернул шею, щека припечаталась, глаз-ную щелку развернуло. Взгляд был невозмутимей, чему у рептилии, губы что-то нашептывали. Практически сразу после приобретения абонеента Лиза выучилась читать по губам.

«37–38–39» – без труда прочла девушка. Кивая головой вместе с молодым человеком, Лиза досчитала до ста и бросила – счет уходил в бесконечность, мужчина был всецело погло-щен собой, окружение потеряло значение.

На полке по соседству на спине лежал и махал крыльями еще один мужчина. Не теряя времени даром, Лиза сиганула со степпера и заняла стоящий рядом и пока свободный трена-жер-бабочку. Помахивая опухшими, Лиза не теряла надежды на то, что на нее рано или поздно обратят внимание. Девушка подстроилась, поймала нужный темп – вдвоем махать веселее. Молодой человек, однако, никак не отреагировал на все Лизины намеки, не заметил он ее при-сутствия и тогда, когда вытащил из ушей «бананы». Легким касанием промокнув лоб, атлет хлебнул из банки чистейшего протеина (Лиза успела прочесть этикетку) и продолжил ком-плекс для бицепсов. Смекнув, что и здесь ловить нечего, «бабочка» перемахнула на «римский стул», но тут вышла осечка – Лиза не разобрала где верх, где низ, куда совать руки, куда девать ноги, ничего не оставалось как отойти от мудреного тренажера. В противоположном конце зала промелькнул высокий и стройный. Лиза вскочила на велотренажер и что есть мочи погналась следом. Мотая педали Лиза согнала три пота, но красавчика так и не догнала – обмахнувшись полотенцем, он вышел из тренажерного зала. Проехав по инерции еще километров надцать, Лиза чуть жива слезла с педального коня, колышемая ветром, дошла до шведской стеночки и повисла на брусках. В зал вошел очередной спортсмен-любитель. Выжимая по капле остатки сил, Лиза выждала пока он приблизится и отпустила руки. Молодой человек обошел ее, как объевшийся мясом тигр. Ничего не оставалось как ретироваться. В зале для аэробики в 15.00. по расписанию йога. Прихватив бутылку воды, Лиза вышла из качалки.

Йога, чем хороша, так это тем, что в последнее время завоевывает все большую попу-лярность, сейчас ею не увлекается только ленивый, причем привлекает она как девочек, так

² Ой, блины, блины, блины, вы блиночки мои. – Русская народная песня.

и мальчиков. Заглянув по дороге в раздевалку, Лиза наткнулась на свою знакомую, мелкую несимпатичную девушку, когда Юля (так звали девушку) улыбалась зубы ее плясали в три ряда, любому с сердцем становилось ее даже жаль, а язык так и чесался сказать: «Бросай все и беги ставить брекеты!» Лиза давно смекнула, что Юля таскается в фитнес по той же самой причине, что и она сама. Ясно, что в некоторых вещах каждый сам по себе и никакие подруги не нужны (тем более если цели и средства совпадают). Самое неприятное было то, что Юля могла увязаться за ней и своей крокодилиадой распугать все потенциальные возможности. Вездесущий не оставил ее хоть на этот раз, не успела Лиза войти в раздевалку, Юлин телефон зазвонил. Зажав плечом телефон, Юля попыталась притормозить знакомую, показывала ей что-то знаками, но та невозмутимо потыкала пальцем в циферблат, по быстренькому переделась во что-то еще более симпатичное (хотелось бы верить, что и сексапильное) и, не сказав куда, смылась.

Йогу вела Елена. Елена была йогиней со стажем, здесь она была царь и бог, уважали её чуть не до преклонения, на занятия к ней валили толпы, жаль только зал был не как мяч, резиновый. Личико у девушки было тоненькое, птичье, но характер железобетонный, огненные вихри падали на красивые, крепкие плечи. Пока Лиза металась по залу в поисках свободного местечка, начинающие йоги стояли, вытянув позвоночный столб к небу.

– Хвост поджать! Корону на голову! – скомандовала Елена, когда Лиза пристраивалась между двумя тетями.

Лиза не зря так долго ковырялась с ковриком – после проведения ревизии в зале оказалось 8 мужчин, один – на поводке (рядом лежала женщина, коврик которой шел внахлест на коврик мужчины *in question*³), все остальное требовало дальнейшей проверки, во всяком случае, выбрать было из чего. От природы Лиза была не деревянной, в детстве занималась гимнастикой, поэтому сейчас, пока другие тянули из себя жилы, ей не составило труда параллелить два дела сразу: довольно качественно выполнять заданные Еленой упражнения и повнимательнее приглядеться к семерке.

Выгнувшись в мостик, девушка нашла глазами первого кандидата. Молодой человек стоял в позе Куропатки, питающейся лунными лучами, на пальце у птицы блестело кольцо – ценность экземпляра была тут же утрачена (Через некоторые вещи Лиза не могла переступить). Опрокинувшись вперед и крепко зацепившись за лодыжки, девушка выглянула в пролет. На одной ноге стоял бог Шива. Лиза сразу дисквалифицировала и этого претендента, кандидат не проходил по возрасту – такого охочего до молодого женского тела везде валом. Не известно еще чего ради он сюда таскается – только ли раскупорить чакры и наладить циркуляцию между нижним и верхним центром? У некоторых все через Инь и Ян! Пробудят на свою голову кундалини⁴, а потом не знают куда с ней деваться! Сменив осану, девушка закинула вверх хвост Скорпиона, через два коврика от нее лежал худенький мужчина. Мужчина очень старался, выполнял все добросовестно, но Лиза почувствовала, что их потоки не совпадают, хотя она ему кажется понравилась, во всяком случае мужчина смотрел на нее долгим, немигающим взглядом. Именно от того, что все сроки поджимали, Лиза не могла себе позволить тратить время попусту. Девушка переделала Скорпиона в Льва, напрягла лицевые мышцы, высунула язык и выкатила глаза, может и незаслуженно перепугав начинающего йога. В позе Плуга, зажав коленями уши, Лиза, к сожалению, не увидела ничего, кроме собственного пупка. Свечка, она же Березка, оказалось такой же бесполезной, как Плуг. Повернуть голову в бок можно, но опасно: куда она потом со свернутой шеей, когда и без дефектов не знаешь на каком дубе повеситься. В позе Лотоса Лиза несколько расслабилась, все было прекрасно видно, и именно поэтому были забракованы оставшиеся кандидаты, физически несостоятельные – ни наклониться, на выпрямиться, если бы не рефлекслирующая, побулькивающая музыка (поставленная Еленой не

³ *In question* (англ.) – о котором идет речь.

⁴ Кундалини – в йоге и эзотерике название энергии, сосредоточенной в основании позвоночника человека (ист. Википедия)

без умысла) было бы слышно, как хрустят суставные сумки и как сучья потрескивают сухонькие коленки. Молодые старики. Возраст +20 от биологического. И кого от такого родишь? Не лягушку, а неведому зверюшку?⁵

По распоряжению Елены все поменяли осану. Минут через 5 пребывания в нирване, Лиза заметила еще один, не опознанный ранее приятный объект. Объект тоже проявил заинтересованность. Две Кобры развернули капюшон и начали изучение друг друга. Лиза дала полюбоваться своей длинной шеей, натянула носочки, между делом оценила физическую подготовку мужчины, обратила внимание на качественные кроссовки. Рядом с ковриком лежал последней модели айфон. Айфоном сейчас никого не удивишь, некоторые портки лишние не купят лишь бы приобрести дорогую игрушку, однако, глядя на этого мужчину, не складывалось впечатление, что он на чем-то экономит.

Парочка вместе вошла в баланс и тут молодой человек показал себя молодцом: воткнул пятку в потолок, не грохнувшись, в то время как половину зала повалило бурей. Занятия по йоге близились к концу, напоследок Лизе захотелось чем-нибудь удивить молодого человека – зажав голову между ногами, Лиза вывернулась в Карнапидасану. Пока она выходила из позы ЗЮ, к молодому человеку кто-то подошел и, похлопав по плечу, увлек с собой в бар пить кислородный коктейль. Распластавшись на ковре медузой, Лиза чуть не плакала – было очень обидно, кислородный коктейль можно было попить и с ней!

В бассейне Лиза плавала без энтузиазма, но с остервенением, бросалась на волну, била ни в чем не повинную хлорированную воду, не обратила внимание ни на одну проплывающую мимо резиновую шапочку. Годы не идут, а бегут, а жениха все нету, и абонемент через три дня заканчивается! Куда она только не кидалась, где только не искала... Ходила в театр, в музей, на балет, как штук посещала биеннале... Искала в портах, в поездах, в самолете, каталась в обычном трамвае... Не нужен министр, не нужен доцент, дворец со швейцаром не нужен, оставь уговоры с усами джигит, я жду не тебя, Николая! И пусть у него ни кола, ни двора, была б на плечах голова... Лиза ума не могла приложить куда еще податься бедной девушке? После бассейна, Лиза возвратилась в тренажерку, приготовившись пройти хоть 7 кругов ада, но свое у судьбы вырвать! Ближе к вечеру, после 18.00 потянулся офисный народ. Подойдя к железному агрегату, Лиза что-то покрутила, повинтила ручками, вытащила штырь, один блин соскочил, по залу прокатился крик раненого зверя. С неба посыпались звездочки.

Когда с неба падать было больше нечему, перед ней словно из земли вырос мужчина. Мужчина стоял, смотрел сверху вниз и молчал. На нем был ослепительно белый халат. Склонив голову, он припал на одно колено. Лиза сразу почувствовала притяжение.

«Серьезный-то какой! Строгий!» – поедом ела доктора Лиза. «А худенький, щуплый...» – пожалела мужчину девушка. Долго сидевшее на привязи чувство вырвалось, захлестнуло все ее существо, Лиза вряд ли могла теперь с собой совладать, – «К кровати привяжу! Насильно кормить стану!» – всхлинула то ли от боли, то ли от нахлынувшего спортсменка.

Доктор (у которого и правда под ложечкой сосало) туго знал свое дело, щупал в разных местах и был всецело поглощен Лизиной конечностью, совершенно игнорируя её как личность.

– Как это случилось? – дотронулся он до щиколотки.

– Блин... упал, – проскулила Лиза.

Вокруг пострадавшей и доктора успела собраться небольшая толпа – все побросали свои агрегаты и пришли поглядеть, как будут ампутировать конечность.

В зал неспешно вошла высокая каланча в змеиных лосинах. Лиза, как ни странно, первая заметила приближающийся оголенный торс и уже знала, чем все закончится.

⁵ Неполная цитата «Сказка о царе Салтане...» А. С. Пушкин.

– Ёжик! Ты еще здесь? – девица подошла к доктору и, не особенно интересуясь травмированной, отдала ему свою, отмеченную тремя линиями, сумку, – Столик на восемь... А нам еще нужно захватить домой переодеться!

32 градуса по Фаренгейту

– А какого цвета буква Ы?

Андрей собирался с мыслями, каждый вопрос не то что вводил его в ступор, но заставлял подбирать эти самые слова, в которых и могла попасться та самая Ы непонятно какого цвета, он, конечно, слышал, что у некоторых людей символы окрашиваются в цвета, из цветов льются симфонии, а мягкий знак может оказаться горьким, но он относился к заурядному большинству – его буквы были сплошь черные, если только их намеренно не редактировали в цветовой гамме Ворда, к тому же застывшая на вахту ночь проглотила весь спектр – все вокруг стало графитно-угольным и только пятнами проступали гравиевые силуэты.

– Не знаешь – не отвечай. Не засоряй эфир, не нужно оставлять после себя мусор...

– Не в курсе, – честно признался Андрей, – спроси, что полегче.

– Например, какой марки Ваше авто? Сколько Вы времени тратите на то, чтобы в пятницу вечером добраться из города до дачи? Планируете ли заранее свой отпуск и где Вы отдыхали прошлым летом?

– Ну, хотя бы...

– Рыбак рыбака... Все эти маркирующие вопросы хороши в беседе двух социологов. А что если дачи нет? А что если она есть, но на ней до сих пор не выкопали бассейн? Считать ли это дискредитирующим признаком? Если да, то что тогда? Ты мне больше не товарищ?... Ну, хорошо, если ты так хочешь... Сколько пасквилей у тебя телевизор?

– Пасквилей? – не расслышал Андрей.

– Ну да, пасквилей, – убежденно продолжила девушка, – ты же не будешь утверждать, что диагонали измеряются в чем-то еще?

– Не буду, – хмыкнул молодой человек, если не хочешь остаться в ночи один, без собеседника, лучше не возражать.

– Так сколько?

– 32.

– 32, это что в пол стены?

– Да нет, меньше...

– Меньше? Я бы себе такой не купила...

– Почему?

– Как почему? Переключаешь на Дискавери, там саванна, слоны и жирафы, пыль с мебели потом замучаешься вытирать...

Повисла пауза. Алена дала ей отстояться.

– Кстати, ты в курсе, что некоторые сейчас на полном серьезе отказываются от ящика, принципиально не хотят его заводить... Мы говорим о вещах не очень интимных? – спохватилась Алена, – А то... Как-то нехорошо получается... Я у тебя все что-то выпытываю... Спроси и ты у меня что-нибудь?

– У тебя, кажется, нет телевизора? – спросил и Андрей.

– Конечно, есть, – возмутилась девушка, – Дань традициям. Дела давно минувших дней. Не покупать же Малевича?!

Андрей безуспешно попытался связать два и два, но так и не определил связь.

– А где он у тебя стоит? – чтобы хоть как-то обозначить и свою активность продолжил молодой человек.

– Что за вопрос?! Как и положено, в избе, в красном углу. Черная пропасть в белом обрамлении. У меня идеальные белые стены. Обходимся тем, что есть.... Да и кто продаст народное достояние? – сокрушенно проговорила девушка, – Поначалу я даже пыталась нане-

сти те же самые трещинки, что и на «Черном квадрате», вышел очень похожий носорожий кракелюр...

– А как же смотреть? Не мешает? – не без издевки поддел молодой человек.

– Ты же не думаешь, что я его включаю? – из трубки повеяло холодом.

Андрей заглох. Требовалось разъяснение. Алена ответила не сразу.

– Это же нуль форма. Максима содержания, – послышалось из динамика телефона, – Затягивающая в себя бездна. Сброс данных. То самое пресловутое обнуление, о котором все так давно говорят, – вбрасывалась фраза за фразой, – Ноль градусов. Точка, в которой вещество переходит из одного состояния в другое. Рождение новой структуры. Новый язык взаимодействия.

– Хаос..., – нащупал Андрей.

– Хаос, но не бардак, – долетело из трубки, – В определенный момент все не может быть, как прежде. Хаос... и новая точка отсчета. Хаос... и сетка на географическом глобусе. Новая система координат...

– Вроде как встряхивание градусника? – молодой человек попытался проглотить услышанное, надеясь, что все как-нибудь само собой переварится.

– Вроде того, – несколько разочарованно согласилась Алена.

– И что из всего этого следует?

– Ничего, кроме того, что для каждого множества нужна своя структура, характер самой связи навязывает новые структуры... Раньше все жили тесным сообществом. Чтобы расширить взаимодействие или хотя бы увидеть новое требовалось 11 дней пути на ослике или верблюде. А сейчас пакеты впрыскиваются в распластанную паутину и в хаотичном порядке бегут эти самые нули или их отсутствие по заданному направлению. Маршрут нигде не обозначен. А ты уже за экватором... Время сворачивается в тугие рулоны. Кровные связи рушатся... И пока не известно кто к кому прилепится и по какому признаку... Мы это уже не увидим...

– И все это рождается из хаоса?

– Так больше не из чего...

– Все это похоже на какую-то муристику...

– Или схоластику, кому как нравится...

– А при чем здесь Малевич?

– Искусство... – подбирая слова, продолжила Алена, – отдельная субстанция... Некоторым кажется, что оно на что-то претендует, по мне так нет, искусство – это наглядное пособие для отображения парящих в воздухе тенденций, и носится оно над головами вне времени и пространства, и разными способами перекладывает схваченное на подручный материал и... собирает оплеухи... Что-то потом становится музейным экспонатом, но это, как правило, позже... Люди к нему тянутся, искусство отвечает взаимностью и... идет в массы... Ты заметил, сейчас все ваяют, все рисуют, все снимают кино, как и предсказывал когда-то, кажется, Коппола. Все ждут рождение нового Моцарта, даже не подозревая, что титан уже родился, но он разбит на множество муравьиных личностей. Каждый стал чуть-чуть Моцартом... Ты когда-нибудь видел такое количество пишущих людей?

– Нет, – откликнулся Андрей.

– Выйди на улицу. Под каждым кустом сидит писатель...

– Значит, искусство стало доступней? – хмыкнул Андрей.

– Как раз наоборот, еще недоступней. От того, что большее количество стучится в божественную дверь не значит, что она быстрее откроется. Собирательная сила удара может та же, но в каждом отдельном случае она слишком мала. Каждому достанется лишь маленькая щелочка – побочный эффект вулгаризации, проникновение в массы не проходит даром. Не та концентрация. К тому же все слишком погружены в себя... Рассвет махрового индивидуализма. Да и потом зачем столько книг, картин, изваяний?

– Неужели никому не нужна новая Мадонна?

– Никому не нужна копия Мадонны. Человек – не принтер. Возможно она и понадобится, но не раньше, чем обещает старая.

– А почему все кинулись именно к кисти, к бумаге?

– Вот это как раз объяснимо. Чтобы стать хорошим сыроваром, нужно по крайней мере обзавестись своей сыроварней, а тут и начальный капитал не нужен. Строчит пулеметчик про синий платочек... валяй, пиши, сколько в хранилище влезет, а там и дна нет, неисчерпаема бездна... В рукописях канули время и усилия – у всего одна и та же дань, а сверху все падают и падают новые страницы. Кстати, известен ли тебе лучший способ консервирования и сохранения времени?

Андрей промолчал.

– Деньги, – ответила за него Алена, – У тебя баран, у меня топор, нам никак не встретиться, но деньги сохранят твои и мои усилия и время... А что если за столько веков обращения монет, деньги сэкономили слишком много времени, и мы попали в безвременье?... – предположила Алена. – Кстати, в каком ты часовом поясе?

– Да в обычном, – не сразу нашел, что ответить Андрей.

– Плюс три от Гринвича?

– Ну да, наверное.

– Гринвич – один из 32-х Лондонских боро, – скорее для себя, чем для кого-либо проговорила девушка, возможно, для того, чтобы убедить себя в том, что Гринвич на самом деле в Лондоне и здесь не скрывается никакого подвоха. А что, если они прямо сейчас отправятся в Лондон, и там не окажется никакой зеленой деревни, никаких улиц и площадей, жителей, которые гордились бы своим предместьем, не окажется и знаменитой обсерватории. А что, если их всех взяли и переместили в другое место, и никто из них ничего не заметил... Есть же свой Питер во Флориде, Москва в Вермонте и Бельгии, Одесса в Бразилии, Париж под Челябинском.

– А ты?

– Что я?

– Ты в каком поясе?

– Я живу по мировому времени, – ответила Алена.

– По мировому? Это как? – Андрей хотел было взять лежащие на прикроватной тумбочке сигареты, но вовремя себя одернул. Курить в кровати не хорошо, как не хорошо обманывать взрослых, купаться в фонтанах, не уступать место в троллейбусах и трамваях. Андрей пока предпочитал придерживаться всех этих «не хорошо», «не положено», но уже чувствовал всю их зыбкость, избыточность.

– Не бери в голову, все в конце концов перейдут на мировое время, видел, в отелях уже давно висят часы Лондон-Сидней-Нью-Йорк, скоро каждый сможет выбрать себе какой захочет пояс, как на Южном полюсе. Кстати, ты на верном пути, болтаешь среди ночи непонятно с кем по телефону, когда всем положено спать... А как ты думаешь, зачем я тебе позвонила?

Андрей смотрел в темноту, если уж на то пошло, позвонила ни она ему, а он ей, заглянул на сайт, прошерстил не слишком много страничек, набрал, считай что, первый попавшийся номер...

– Хотелось с кем-нибудь пообщаться... Ты против?

– Я – нет.

– Хочешь я возьму такси и приеду, – прошептал он приглушенно в трубку.

– Считаю, что уже приехал... Сейчас, подожди минутку, я открою... – Алена исчезла, Андрей таращился в темноту, не зная, что и думать, вариантов было несколько: или она полумная, а может даже и опасная (осенью и весной у таких, кажется, обострение) и даже забыла кто кому звонил или... выяснять Андрею не хотелось, хотелось просто продолжить общение...

- Я здесь, – после некоторой паузы ответила девушка.
- Куда ты ходила?
- Думала это ты пришел, а это разносчик пиццы... Сделала заодно кофе...
- Как кофе? – спросил Андрей.
- Гадость, к тому же я его не пью... Стоит ... Стынет... – разочарованно проговорила Алена. – Подожди, я его сейчас вылью!
- Стой! Куда? – чуть ли не выкрикнул Андрей.
- В окно...
- Ты что! Кому-нибудь на голову!
- В нашем часовом поясе люди не ходят под окнами в 2 часа ночи... Не бойся, я вылила его в цветок, у меня есть цветок, который питается остатками чая и кофе.
- И из него потом вырастают чай и кофейные зерна?
- Повисла напряженная тишина.
- Откуда ты знаешь? – холодно проговорили девушка, – Ты был у меня дома?
- Андрей замолк, не зная, как реагировать.
- Ладно, когда приходишь, не забывай поливать кофейные цветы, договорились? – примирительно проговорила девушка.
- Договорились, – кивнул молодой человек.
- Чем ты занимаешься в обычной жизни, когда не схлопываются часовые пояса? – поинтересовалась Алена.
- Я – менеджер... рядовой менеджер рядовой компании, – завтра ровно в 9 по какому-то там Гринвичу он будет снова менеджером, но сейчас говорить об этом не хотелось.
- Поговорим об этом раз ты не хочешь об этом говорить... – предложила девушка.
- Можно задать вопрос?
- Почему ты спрашиваешь? Хочешь – задавай, не хочешь – тогда зачем об этом спрашивать?
- А с кем ты там разговариваешь? – молодому человеку показалось, что он услышал еще чей-то голос.
- Ну пиццу же мне кто-то принес...
- Разносчик пиццы приносит пиццу, забирает деньги и уходит... Во всяком случае, обычно происходит именно так...
- А этот остался...
- Хм, как-то странно...
- Разве такого не может быть?
- Может ... чисто теоретически. Один случай на тысячу, даже еще меньшая вероятность.
- Ну да, бомба два раза попала в одну и ту же лунку, а ты не веришь, что такое может быть...
- И что он делает?... У тебя дома... В столь поздний час, даже по мировому времени...
- Кажется доедает пиццу, – девушка залилась звонким смехом, – Как ты думаешь стоит на него из-за этого жаловаться, человек ведь может потерять работу..., – Человек! Вы можете потерять работу, если я на Вас пожалуюсь? – обратилась она уже не к Андрею, – Говорит, что может, – вернулась опять к Андрею Алена, – Жалко человека, не будем жаловаться!
- Может поговорим, когда он уйдет? – не слишком уверенно предложил Андрей.
- Может поговорим сейчас, вдруг он не уйдет?! Кстати, ты один?
- Да нет, – проговорил Андрей приглушенным голосом, – Но нам не помешают. Она спит. – Рядом белел, не двигаясь, сугроб.
- Она действительно спала, потому что он считал, что она спала.
- Подожди, он кажется что-то хочет... – опять куда-то делась Алена.

Из трубки донеслась мышинная возня и только потом характерные, ни с чем не перепутываемые вздохи, кажется, что-то упало... Пальцы сжали трубку, костяшки побелели, хотя в темноте этого и не было видно. Андрей напряженно вслушивался.

Прошло несколько минут пока не пошли гудки...

* * *

Большой снежный сугроб, лежащий рядом с Андреем зашевелился. Случись это где-нибудь в Антарктиде, из его складок вылез бы белый медведь, на противоположном полюсе(пройдя кратчайшим путем по миллиону возможных Гринвичей) показался бы пингвин, но так как дело происходило в обычной городской квартире +3 часа от нулевого меридиана, то из белоснежного, сбитого в кучу пододеяльника показалась Марина. Второй сугроб остался лежать недвижим, Андрей отвернулся к стене и, кажется, заснул. Телефон лежал на тумбочке. Марина пошла на кухню, заварила кофе и укуталась в пушистый махровый халат, некоторое время она сидела не двигаясь, как гусеница, стараясь не стряхнуть с себя кокон сна.

Андрей как всегда полночи провисел на телефоне, с кем он общался ей все равно, лишь бы её не трогал и не курил в постели. Каждый сам по себе. Нуль отношений. На холодильнике висела магнитная доска – очень удобное изобретение для бесконтактного общения (сколько сейчас всего бесконтактного...), можно написать послание, получить ответ на вопрос, обсудить насущное. Все мирно, благополучно, пристойно. И здесь своя этика, не отвечать не принято. Они даже в отпуск ездили вместе – так экономичнее, удобнее.

– С добрым утром, дорогая, с первым снегом!

Марина схватила телефон, на душе сразу потеплело, в махровом халате стало еще уютнее и теплее. Сквозь узкие полоски жалюзи падали редкие снежинки и тут же таяли. Ноль градусов. Всеобщее обнуление.

– Как спала!

Марина соврала, холодные пальцы набили сообщение.

– Что тебе снилось?

– Крейсер Аврора... – зашевелились опять пальчики.

– В час, когда утром встает над Невой...

– Кто о чем... – мыкнула Марина.

– Скучаю, уже хочу... Жду не дождусь четверга...

– И я тоже, – Марина дала отбой, взяла маркер и написала что-то на холодильнике.

XXL

Кирилл исподтишка попробовал подвинуть бабулю, бабуленция не сдала позиций ни на йоту, ноги, как сваи, вросли в пол – видала она таких молокососов! Опасаясь получить в бок перо, молодой человек оставил в покое старую перечницу, перестал пихаться, углубился в переписку. Второй раз за минувшие сутки его страничку посетила Оленька. Кирилл был зарегистрирован в нескольких соцсетях, состоял в 37-ми группах, в друзьях у него числилось человек триста (если не больше), не менее 50-ти из которых он знал лично. Каждый день, разгребая кучу лайков, пульсирующих сердечек и кривляющихся цветков, Кирилл всеми фибрами ощущал свою востребованность. С Оленькой они схлестнулись на почве обсуждения какого-то нереального пейзажа и теперь очень радовался, что та сама ищет с ним контакт. Фотки девушки будили что-то внутри, хотя Кирилл сразу сделал вывод, что Оленька не из тех девиц, которые облизывают губы, трогают себя за что ни попадя, и вообще ведут себя не гигиенично. Оленька была не такая! Это сразу чувствовалось.

Судя по иконке Оленька тоже была на сайте. Кирилл соображал, о чем бы таком девушку спросить, чтобы зацепить, так уж зацепить. Ничего особо оригинального в голову не лезло.

– Как дела? – натянул он ни к чему не обязывающее, нейтральненькое послание, обозначив свое присутствие.

– Нормуль, – прилетело тут же от Оленьки. Получив горячий привет, Кирилл обрадовался, запустил пятерню под толстую шапку, что-то там поковырял, извлек нечто на электрический свет, выскоблил застрявшее из-под ногтя, обдумывая что бы такое еще написать.

– И у меня норм! – после некоторых раздумий настроил Кирилл. Юноша хотел было еще добавить «моя нежная прелесть», но придержал коронную фразу для другого случая. Мужик он в конце концов или не мужик? И вообще с бабой нужно быть построже, иначе разбалуется, сядет на голову, ноги свесив. Мужик он на то и мужик, чтобы проявлять мужественность. На полете к носу палец завис, Кирилл получил когда-то в принципе неплохое воспитание.

– Чё заглох? – постучалась снова Оленька. – Чё делаем? Чё молчим? – не унималась новая знакомая.

– А какого у тебя цвета глаза? – упало до кучи еще одно послание.

– Голубые, – от балды ответил Кирилл. Глаза у него были самые обыкновенные, среднекалибернокарие, но кто же признается, когда каждый второй лепит себе на страницу Джонни Деппа или мимикрирует под Брэда Питта? Цвет глаз сейчас не проблема, можно вставить какие хочешь линзы, хоть в сиреневую крапинку. И вообще, чтобы не запинали в условиях жесткой конкуренции, пока не оперившимся не возбраняется и приврать. Ну нет у него ни навороченной тачки, ни брендовых шмоток, ни своего жилья, ни других подручных средств для вранья, вот и приходится прибегать к другим доступным возможностям, чтобы хоть как-то подкорректировать имидж.

– А у тебя есть недостатки?... Ну, кроме лопоухих ушей? – допытывалась Оленька.

Кирилл осторожно поднял руку в шапке, шерстяными бортами прижимающей вполне себе аккуратные ушки – с чем с чем, а с ушами у него было все в порядке, в этом он был уверен на все 100!

– Да нет... у меня вполне приличные уши, – в интонации проскочила легкая обида.

– Жаль, – всплыл еще один пузырь на экране.

Кирилл захлопал глазами, что-то он перестал въезжать... Что плохого, когда уши у человека нормальные?

– Почему? – и все-таки хотелось выяснить, – Почему жаль?

– Я люблю, когда на свету светятся и с прожилочками, – объяснилась Оленька.

Кирилл не знал, что ответить кроме того, что у него явно не такие. У него самые обычные, стандартные уши.

– А можно я буду тебя называть своим оленёнком? – не унималась Оленька.

– Почему оленёнком? – спросил Кирилл.

– Потому что у тебя маленькие уши, были бы большие – был бы слонёнком...

– Логично, – согласился Кирилл, если уж они выяснили какие уши у него, молодой человек посчитал не зазорным адресовать тот же вопрос и Олечке.

– А какие у тебя?

– Что?

– Уши...

– У меня нет ушей.

– Как нет? – удивился Кирилл.

– А так... Я всегда ношу наушники, поэтому у меня не может быть ушей.

– Аааааа, – дольше, чем нужно продержал палец Кирилл.

– А что у тебя еще не так?

Кирилл как-то не очень понимал к чему клонит Оленька.

– Как я поняла хобота у тебя тоже нет? – допытывалась девушка.

Кириллу почему-то хотелось, что хобот у него был, раз уж он так облажался с ушами.

Юноша нахмурился.

– Хобот у меня есть, – уплыл от него бульбышек.

– Ты же не слоник... – высветилось наивное возражение Оленьки.

– Ну и что! Хобот есть! – стоял на своем Кирилл.

– Ну, хорошо, хорошо... Пусть будет... – всплыл очередной пузырь.

Кирилл долго смотрел на это Оленькино невразумительное «пусть будет», за которым пока ничего не следовало, – «А дальше?» – недоумевающая моргнула он.

– А какой он? – появилась снова Оленька, – Опиши его... если можешь?

– Если можешь... – блыкнуло повторное сообщение.

Кирилл не хотел описывать, но Оленька тогда бы могла подумать, что хобота у него нет, а это было недопустимо! Был у него хобот! Был и всё тут!

– Ауу, – нарисовалась опять Оленька, – Так и знала... Ты его потерял? – взгрустнули разочарованно скобочки.

Кирилл снова залез пятерней под шапку, волосы взмокли, в вагоне метро было жарко.

«Будь она сейчас рядом» – произвольно сжались кулачки – бабушка наконец от него отодвинулась.

– Хорошо, я тебе поверю, – примирительно написала Оленька, – Но только при одном условии...

– Каком? – насторожился Кирилл.

– Если ты пришлешь мне... Цифру..., – после некоторой паузы ответила Оленька. Разного рода скабрёзность, конечно, не в силах оправдать даже истинное положение вещей. Единственный способ уберечь себя от неприличностей – не читать чужую переписку.

Кирилл некоторое время колебался, не зная какой из двух параметров выслать, и после некоторых раздумий склонился в сторону БОльшего.

В пролете между Тульской и Нагатинской в адрес Оленьки были направлены сокровенные данные.

Кирилл замер в ожидании.

– А вторая? Та, которая больше... – после затянувшейся паузы проявилась наконец Оленька.

Кирилл сдёрнул шапку, накинул произвольное значение и зафиндил послание Оленьке.

Оленька не сразу переварила поступившую информацию, это и понятно – такая рыба попалась...

– Это что? XL? – поступил уточняющий вопрос.

– XXL, – поправил ее молодой человек, не сообразуясь с тем бывает ли такое в природе.

Кирилл написал еще что-то, но Оленька не ответила ни на это, ни на последующие послания.

– Ау! Ау! – еще два дня кричал в цифровом лесу Кирилл, но Оленька не откликнулась ни на «Ау», ни на «Оленьку», ни на «слоника», ни на другие позывные. Всё оказалось бесполезно. Оленька растаяла, как утренняя дымка.

Спустя неделю Кирилл догадался, что Оленька его бросила.

Оленька Ромашова, студентка пятого курса не последнего в городе университета, последние два курса посвятившая изучению общественных явлений, свернула большую часть интернет активностей, блестяще защитила диплом на тему «Роль средств коммуникаций в расширении зоны комфортного вранья. Причины и предпосылки увеличения предельно допустимых значений.» и поступила в аспирантуру. Теоретические выкладки подтверждали полученные практическим путем данные.

Настоящий мужчина

Переступая порог собственного дома, Дмитрий Иванович превращался в Димулю. Переход этот был плавно-естественный, не единожды пройденный – трансформации в жизни, за исключением, пожалуй, революций и землетрясений, проходят совсем не так, как в кино, когда при перетекании из одного состояния в другое у героя выкручивает жилы, изгибается бычья шея, глаза наливаются и чуть не лезут из обриту. Дмитрия Ивановича не корежило и не выворачивало – Димуля появился без пота, пыли и усилий.

Дом частенько упоминают, когда хочется сказать хорошее о человеке, в особенности о мужчине (дерево, отдельно стоящее либо пышный сад, отпрыски – обычное в этом случае дополнение). Всякому хочется что-то после себя оставить, хоть как-то, но наследить.

Дмитрий Иванович со всем своим законным семейством проживал в коттедже площадью 360 квадратов в нескольких километрах от черты города – и цивилизация под боком, и свежо, нет той загазованности. «Чашу» со всех сторон окружал травинка к травинке канадский газон, перед домом росли карликовые елки – никаких альпийских горок, живописных развалин, гномов, квакающих в глубину лопаты прудов – все со вкусом, чинно, благородно.⁶ Геометрически вымощенная неместным камешком дорожка вела от ворот к порожку, камешек прекрасно сочетался с бурым облицовочным булыжником, цоколем, бордюром и даже с крышей дома – на тот случай, если б у кого возникла потребность осмотреть «гнездо» сверху.

На пороге Дмитрия Ивановича год от года все приветливее встречала супруга и хозяйка дома Елена Сергеевна – женщина милая, хотя и не та, что была лет 30 назад, когда только вышла замуж за голого студента. Справедливости ради надо сказать, что Елена Сергеевна и в лучшую свою пору не была серной. Природа не всех дарит одинаково, случается, что и жадничает – супруга Дмитрия Ивановича рано это поняла, и поэтому сейчас на порожке топталась именно она, а ни какая-нибудь чужая женщина.

А на месте её хотели оказаться многие... Еще бы! Дмитрий Иванович был давно не тем пришедшим с рыбным обозом юнцом – годы его закалили, не превратили, как многих в бурелом, он упорно трудился, карабкался, метал икру и в итоге в свои 53 был в двух местах глава и учредитель, а в нескольких имел статус приглашенного советника, чьей помощью не часто, но пользовались. Всего он добился сам, своим умом, отчего все приобретало в разы больший блеск. Рядом с таким мужем Елене Сергеевне было и радостно, и жутко. Радостно скорее за него, жутко больше за себя.

Человек привыкает к хорошему... Чтобы возле такого мужа удержаться, Елене Сергеевне приходилось крутиться. То, что было хорошо еще вчера – не годились сегодня, то, что спасало сегодня – отбрасывалась завтра. Когда-то приехавшая погостить мать надоумила дочку на то, что рубашки лучше покупать не нарядные, а серенькие, похуже... О том, что муж не должен ходить на работу, как сахарный пряник Елена Сергеевна догадалась уже сама. Но, одно дело отправлять на работу в неглаженных рубашках пусть даже и перспективного, но рядового сотрудника, а другое поначалу хоть и маленького, но руководителя – тут и встречи, и совещания, совсем другой уровень.

Приходилось прибегать к все новым и новым уловкам. Обстоятельства менялись, но и Елена Сергеевна не стояла на месте, совершенствовалась, меняла тактику... Застиранные рубахи ушли в прошлое, и не только они одни. В какой-то момент Елена Сергеевна устала мотаться с супругом по командировкам, сторожить устала. Нужно было что-то более действенное. Притормозившая было на одном Ванечке (в котором Дмитрий Иванович, правда, души не чаял), Елена Сергеевна в три года выдала еще Степана и Машутку, но и тут не успокоилась,

⁶ Не дословная цитата из фильма «Не может быть!» (реж. Л. Гайдай) (по мотивам рассказов М. Зощенко)

да и как успокоиться, когда Дмитрий Иванович все идет и идет в гору... Елена Сергеевна взялась за себя, через какие только процедуры не прошла, в салоны, как на работу, ходила, под нож ложилась, без педикюра к мужу лишней раз не подходила – благо финансовое положение позволяло, да и Дмитрий Иванович уж что-то, а жадным никогда не был... Если нужно что подшлифовать – всегда пожалуйста!

В 45 Елена Сергеевна выглядела лучше, чем в 25. Сама ухоженная, дети сытые, умытые, на кухне котлетки-бараночки, если что заметит – ни скандалов, ни упреков, тишь да гладь, приятная, непринужденная обстановка. Дома Дмитрий Иванович отдыхал и душой, и телом.

А замечать было что, деньги делали свое черное дело. Всюду, где бы не прошелся, Дмитрий Иванович привлекал к себе внимание. Да и как не привлекать? Года не берут, молодое поджарое тело, с собой всегда кошелек. Елена Сергеевна мотала на ус, не в том уже возрасте, чтобы сражать бицепсами. В шею выгнала домработниц и снова начала готовить сама, побольше мучного, сладенького, показалось, наконец, долгожданное пузико. Но и здесь подходить нужно было с умом – неприятности со здоровьем ни к чему, детей еще на ноги ставить нужно.

– Попка, – Машка налетела на отца и как в детстве повисла на шее. После поездок Дмитрий Иванович с пустыми руками не возвращался, хоть свистульку, хоть конфетку, но привезет. Отец семейства довольно поморщился, по старой устаканившейся традиции только младшенькой позволялось такое вольное обхождение. Машка – институтка была уже первокурсницей. Из кухни пахнуло чем-то handmade⁷; печено-запеченным.

Димуля первым делом опустил в кресло, передохнуть с дороги. Елена зашла за мужнину спину, положила руки на плечи и начала массировать затекшую шею. Дмитрий Иванович аж пискнул от удовольствия. Прорабатывая как следует шейную зону Елена Сергеевна подумала о том, что неплохо бы пойти еще и на курсы массажа стоп – китайцы знают в этом толк, на ступнях, а в особенности на пятках множество жизненно-важных центров.

Под пальцами жены Дмитрий Иванович расслабился. Только что он вернулся из Пскова, там у него Ирина и два малолетних оболтуса, младший, как две капли похож. Это в Пскове... А в Москве – Юля, и тоже проходу не дает...

Дмитрий Иванович вспомнил, как Юлька, когда они крайний раз были загородом, верещала:

– Хочу-хочу-хочу! Такого же лысенького, пухленького! Чтоб такие же щечки, складочки! И всё-всё-всё!

Мужчина зарделся от удовольствия, Елена Сергеевна хорошо промассировала шестой и седьмой позвонки.

«Ну, как тут не помочь... Если женщина просит...» – Дмитрий Иванович поймал ручку супруги и шлёпнул ее губками.

⁷ Handmade (англ. Сделанный вручную, ручной работы)

Татьяна Телегина

*Наши матери в шлемах и латах
бьются в кровь о железную старость...
(строка из песни «Метро», «Високосный год»)*

Татьяна нажала на оплавленную, побывавшую не в одной переделке кнопку лифта. Из заляпанного зазеркалья на нее уставилась вчерашняя дева. Дни мелькали будто кем-то ужаленные. Время, разменивая понедельники, таскало неделю за неделей.

Мелкими, подлыми перебежками все ближе подбиралось осень – не за горами тот день, когда все начнет скукоживаться и по всем фронтам под звуки триумфального марша развернется полномасштабное наступление. Бледная дохнет и на нее вечностью... А пока первые морщины усердно рыли траншеи на местности. Еще одна зима миновала. Весну Татьяна не любила, может у кого-то где-то и зажурчало, а у нее в полку прибыло – по всему лицу высидился очередной десант веснушек. Все эти удары и диверсии легче бы было перенести, если бы копошились под ногами с попкой в ямочку детки, а на диване, свернувшись калачиком, отдыхал собственный муж. Но когда, едва распустившись, бутон затоптан солдатскими ботинками жизни – обидно...

Выйдя из лифта, Татьяна встряхнула сумочку, ключи, звякнув, не сразу, но нашлись. Дверь от общего коридора оказалась не запертой.

– Что за люди! – в назидание соседям грохнула дверью женщина.

Выловленный из связки ключ замер перед замочной скважиной, от потолка до пола бежало тонкое лезвие света, дверь была не заперта. Татьяна застыла на коврик.

Списочек выскочил сам собою. Недавно купленный ЖК телевизор, микроволновка, пожалованная за бонусы, мультиварка, которая и печет, и варит, и чего только не вытворяет – всё, всё, что нажито непосильным трудом⁸... Мебельный гарнитур с одной стороны сплошь натурально кожаный! При выносе тела из квартиры диван застрял. Женщина стряхнула наваждение. Большинство пришедших на ум вещей за пазуху не запихнешь, в карман не сунешь. Диван вернулся на место. А кроме этого и брать-то нечего... В стенах ни одного вмурованного сейфа... Никаких тебе подлинников... На всех тридцати пяти квадратах полезной площади ни одна досточка на паркете чудесным образом не отковыривается...

Тень проскользнула через порог, несмело проползла по лианам обоев, сделала два приставных шажочка. На плечо лег рукав шубы. «Ан, нет, и у нее кое-что водилось... Не мексиканских тушкан, но пару сезонов еще относит за милую душу. Как у любой уважающей себя женщины, в шкафу на полочке шкатулка с драгоценностями... Пусть и не камня-булыжники, которые средь бела дня прям с ушами оторвать могут, а россыпь, но очень приличная. Жемчуга... не в морской раковине вылупленные, но и не речной, пожеванный... И нитка в два ряда, браслет в комплекте.» Тень обогнула угол, проползла по разноцветным лоскуткам карты мира. На плече все так же болталась сумочка. В записной книжке на последней страничке был предумышленно записан номер участкового. Еще можно было отступить, позвонить, но Татьяна о нем или забыла...или... Не всяким умом можно понять женщину...

Сердце стучало с перескоками. Заглянув в комнату, женщина увидела себя в белом меловом контуре. Над трупом озадаченно склонился усатый следователь, протянул руку, чтобы прикрыть не эстетично выскочившую часть бедра, но его тут же одернул матерый Жеглов, – «Дескать, пусть все останется, как есть...» Рядом покоилась тяжелая хрустальная ваза... Под сердцем зияла багрово-красная рана... Татьяна на секунду оторвалась от леденящего кровь

⁸ Несколько измененная цитата из фильма «Иван Васильевич меняет профессию»

зрелища – ковер был нещадно изгваздан, а цены на химчистку сейчас бессовестные! ... Страшная картина стала потихоньку рассеиваться, да и хрустала в доме в помине не было, вывезла пылесборник на дачу.

Женщина прошла в комнату (хотели б убить – давно убили). Вокруг стояла тишина. Что-то пару раз булькнуло в чреве холодильника. Скребла о стенки труб вода. Сверху вниз волнами спускались шторы, неделю с ними мучилась, пытаюсь сделать на французский манер... по верху ламбрекен...

Из-под добежавшей до пола волны торчали чьи-то не слишком чистые ботинки.

Ручки прикрыли кружочек рта. Раздумывала Татьяна не долго, ее будто что-то подняло и понесло к окну, только и осталось что переставлять ножки. Ручка цапнула за ткань портьеры. Прямо перед ней стоял шкаф, детина под два метра ростом. Оба застыли в нерешительности, изучая друг друга. Момент, когда душегубу следовало наброситься, а жертве благим матом орать был благополучно пропущен, что делать дальше было не совсем ясно...

– Те-легин? – не веря глазам, пролепетала Татьяна.

«Телегин» привело мужчину в еще большее замешательство, чем не вовремя нагрывшая хозяйка. На лице отобразился процесс, пришлось напрячь память. В муках рождалась догадка.

– Таня? – наконец, проговорил он.

Смущенно дергая за пальцы, мужчина стал стягивать перчатки. Ошарашен он был едва ли не более женщины.

Татьяна осела на диван, – «Да, все так и есть, Жека Телегин... тот еще талант... тунейдец и лодырь. Списывать и то умудрялся еле-еле на троечку...» – женщина снизу вверх оглядела внушительную фигуру, – «Возмужал, конечно, заматерел, на щеках поросль...»

– И... как улов? – потихоньку приходя в себя, проговорила она.

Гость вывернул карманы, побрякушки одна за одной попадали на диван.

– Мы люди небогатые... Живем скромно, – чуть отодвинулась от них женщина, – И кого... грабим? – с заминкой спросила она.

– Женщин... стариков, детей... Все как положено..., – насупившись, ответил Телегин.

– Прелесть... какая, – едва заметно вздохнула хозяйка.

Телегин опустил на другой конец дивана, некоторое время парочка сидела молча.

– И давно ты... в этом бизнесе? – нарушила первой молчание Татьяна.

Мужчина неопределенно повел плечом.

– Где взял отмычки?

– Интернет... Сейчас все купить можно... Любой каприз за ваши деньги...

– Ааа... это постоянный заработок или...?

– Хобби, – опередил ее мужчина.

– Ну, да..., – хозяйка замолчала, видимо, обдумывая только что услышанное, – «Судя по виртуозности исполнения, скорее всего и правда хобби... За минувшие лет пятнадцать в голове мало что прибавилось, но размах в плечах такой что ой ли!»

– Вот тебе и город-миллионник, – тряхнул шевелюрой Телегин, – А ты давно сюда переехала?

– Три года. Разменяли квартиру. А почему, собственно, я? Такая честь...

– Так... к тебе недавно кучу коробок волокли... Вот я и подумал... деньжата водятся..., – помолчав, Телегин как будто в оправдание добавил, – Я и письма в ящик опускал, неделю никто не выгребал... Если б знал, что ты здесь живешь... я бы... конечно... извини, – уткнувшись в ковер, проговорил он.

Татьяна вроде как отмахнулась от извинений.

– А как сам? – спросила она, – Жена? Дети?

– Женат был. Детей нет.

Взяв что-то из лежащих рядом побрякушек, женщина начала вертеть ее в руках.

«С работой сейчас у всех туго... Кругом всех сокращают... Кого они хотят обмануть? Удалось обуздать инфляляцию... растут реальные доходы населения... Бессовестные! Врут, что все под контролем! Только и слышишь, там – банкомат дернули, тут – ювелирный обчистили, старушке с пенсией поздно вечером домой возвращаться страшно! В церквях, уж, казалось бы, и там воруют, в магазинах предупреждают, присматривайте, уважаемые, за приобретенными продуктовыми ценностями... Жизнь такая... Хотел бы не воровать, а своруюсь!»

Мужчина краем глаза разглядывал женщину. Татьяна еще в школе была не в его вкусе, какая-то вся конопатая, нос картошкой, ничего выдающегося.

– Ну... так я пошел... – взяв перчатки, Телегин вздохнул и поднялся.

В глазах Татьяны промелькнула боль, не навязываться же мужчине. Секунду она боролась с собой, а потом потянулась к сумочке, достала телефон, и не набирая номера, глядя Телегину прямо в глаза, произнесла: – Алло! Полиция? Меня ограбили. Вынесли все, что можно. Преступника я задержала. С поличным... Проведя рукой по груди, Татьяна дернула блузу: – И надругались самым бесчеловечным образом...

Пуговицы одна за одной осыпались на пол, одна закатилась под диван. Женщина испугалась еще больше, чем Телегин. Рывок получился смачней, чем она рассчитывала, клоч ткани повис.

Мужчина осел на диван, Татьяна отложила телефон.

* * *

Вечером, когда выпускной бал был во всяких подробностях восстановлен и коньяк весь до доньшка допит, закидывая ноги отяжелевшего Телегина на диван, Татьяна, скрывая улыбку, хмыкнула, – «Как это у них вышло? даже не снимая ботинок...»

Сообщество покинувших раковины

Стас засунул руки в карманы и принялся нервно перебирать монеты: для начала нужно было хотя бы проштудировать статью о мелком хулиганстве, а потом уже браться за дело – не хватало еще влипнуть в историю... Молодой человек хотел было опять усесться между знойной, истекающей соком блондинкой и похожим на чернослив старичком, но тут же взял себя в руки: в конце концов, нужно оставить все сомнения – и вперед! Как говорит Иннокентий, считаем до трех, вдох диафрагмой, медленный выдох и... на выдохе, отбросив все страхи, совершаем задуманное. Страх, как и бессмысленные сожаления, – нерациональное разбазаривание энергии, а в условиях её тотального дефицита допускать это категорически воспрещается!

Стас сделал все по инструкции (то есть как говорил Иннокентий): впери́л взгляд в межсубъектное пространство, вытащил дрожащие руки из кармана, усилием воли растопырил пальцы, установил пятерню над головой и сделал неуверенный шаг вперед. Дыхание перехватило (по словам Иннокентия, именно так даёт о себе знать потеря контроля), первым желанием было, конечно, зажмуриться или вообще провалиться сквозь землю (что частично было уже реализовано и даже не требовало визуализации, Стас и так находился под землей).

– Дышать! Дышать! Дышать! – загудел в ушах грозный голос Иннокентия.

Пытаясь справиться с ситуацией, Стас вдохнул, выдохнул, вдохнул... поймал равновесие и завис в состоянии баланса. Справившись с волнением, молодой человек вспомнил, что первый шаг не так сложен, как второй. (Об этом, тоже, кстати, предупреждал Иннокентий, даже приводил статистику, опираясь на прыжки с парашютом, – желающих сигануть в первый раз всегда хватает, кто-то прыгает на спор, кто-то с бодуна, кто-то в честь прекрасных дам, ну а те, кто находится на более высокой ступени сознания, готовы превратиться в лепешку ради ошущений! Совершив первый прыжок, на второй решаются не многие.)

Вспомнив строгое наставление, Стас собрал остатки силы, воли и разума и единым, плотным сгустком толкнул себя в нужное ему пространство вариантов – последовал второй шаг... Рука то ли онемела, то ли вовсе стала каменной, хотелось поскорее убрать её с головы, но Стас, вытянувшись в струну, держался... Третий и четвертый шаг шли не то что как по маслу, но заметно легче. Двигатель как будто завелся и постепенно начал набирать обороты. Стас расправил плечи, до белых костяшек растопырил над головой пальцы и сделал еще несколько осторожных, но верных шагов, стараясь не наступать на ноги окружающих. Рука словно приклеилась к макушке, убери Стас её сейчас, смысл всего был бы сведен к нулю, усилия были бы потрачены впустую, он подвел бы Иннокентия, товарищей по сообществу, но главное, он подвел бы себя – не оправдал бы свои собственные надежды и заложенный в нем потенциал!

Отступать некуда! За нами Москва!

– Ку-ка-реку! – прокричал Стас и, задрвав клюв, пошел вдоль прохода.

Дама в желтой беретке откликнулась первая, на секунду оторвала глаза от книжки, признала в Стасе петуха и тут же опять ушла в Кастанеду: то, чем сейчас занимался Стас, для нее было вчерашним днем. В противоположном конце вагона хихикнули два подростка, но тут же нырнули в социальные сети, там еще и не такое увидишь. С некоторым опозданием рядом сидящая тётя окинула молодого человека с ног до головы и опять ушла в себя.

Происходило все именно так, как и говорил всезнающий Иннокентий: каждый находился внутри своей собственной раковины и ему не было никакого дела до окружающих, до какого-то там Стаса, пусть даже кукарекающего. Выход же из раковины – процесс сложный и многоступенчатый (не каждому он по зубам): прежде всего, нужно отыскать в этой раковине самого себя (это только кажется, что сделать это просто); найдя себя, нужно взять себя за шкуру и покинуть раковину; на этом еще не все, теперь нужно идти и пытаться достучаться до соседних раковин, и, когда другие начнут из них вылезать, нужно всем дружно взяться за руки и вме-

сте начать строить сообщество покинувших раковины. Вместе всегда легче выходить на новый уровень сознания, по одному туда не всегда пускают.

Стас сразу понял, что народ, находившийся в вагоне, в большинстве своем пока не встал на путь совершенства. Дойдя до конца вагона, молодой человек с чистой совестью убрал гребешок, обмяк и опустился на первое попавшееся сидение. Нервное напряжение давало о себе знать. До «Тимирязевской» молодой человек дал себе отдохнуть: закрыл глаза, сконцентрировался на верхнем центре и дал пройти через себя верхнему потоку. Почувствовав теплый прилив (в груди как будто открылся клапан), Стас тут же вспомнил о технике безопасности: сделал несколько коротких резких выдохов из упражнения «Собачка». Вовремя сделал, иначе резкий прилив энергии так бы шарахнул – мало не показалось бы. На «Савеловской» Стас пробудился, по-иному посмотрел на вошедший поток народа. До «Менделеевской» оставалась одна остановка, там народ сменится, концентрация энергии усилится – и можно будет переходить к следующему этапу.

По электронному табло проехали светящиеся буквы. Поезд отъехал от станции с вытянутыми вдоль потолка гигантскими кристаллическими решетками. Стас залез в кенгурятник, достал новенькую щетку для обуви и крем с экзотическим названием «Киви», мельком глянув на окружающих, нагнулся, выдавил жирную гусеницу крема себе на мысок ботинка и стал туда-сюда шуровать щеткой. Чистка ботинок оказалась ерундой по сравнению с «Петухом», на ней, можно сказать, Стас отдохнул.

Покончив с ботинками, Стас подтянул энергию теперь уже из нижнего центра, сбалансировал два потока: следующее задание было архисложным, из разряда упражнений со звездочкой, за такие берутся только уверенные и продвинутые. Продвинутым он пока еще не был, но стремился им стать, поэтому, уже без лишних колебаний, перешел к делу. Иннокентий говорил, что уверенность – это просто маска, и если надевать её каждое утро, то вскоре она станет тобой, а ты ею. Более продвинутые не снимают её даже на ночь, таким же, как Стас, новичкам рекомендовалось пользоваться ею по необходимости и после снимать. Молодой человек представил, как надел маску, грудь гармошкой расправилась, внимательно, без тени смущения, осмотрел ботинки сидящих в рядок людей. Выбор остановил на грязных, потертых ботинках, принадлежащих заспанному, помятому мужчине. С дамами Стас пока не связывался, дамы – это высший пилотаж, даже Иннокентий работает с ними в крайнем случае, тут нужна особая подготовка. Молодой человек поднялся со своего места, сделал шаг к мужчине, опустился у его ног и с выражением, не терпящим возражений, выдавил на мысок его ботинка черную загогулю. Мужик вытаращил глаза, зашлепал губами, но так и не произнес ни слова: уверенность Стаса в правильности содеянного передалась и ему. Не теряя ни секунды, Стас принялся за работу, щетка замелькала из стороны в сторону. Мужик еще некоторое время пытался ловить глазами щетку, а потом плюнул и даже выставил вперед другой ботинок. Стас довольно ухмыльнулся, он сразу вычислил, что мужик из непробужденных: муть в глазах, неспособность к концентрации, хек после разморозки. Таких в наше время большинство. Рождаются, умирают, женятся, жрут, смотрят телевизор и при этом все время спят. (Стас и сам был недавно таким.) Доделав свое дело, Стас присел напротив обслуженного им мужика и из верхнего центра отправил ему благодарственный посыл. Закончив практику, партнера всегда нужно поблагодарить. Стас прикрыл глаза: из-за неопытности упражнение может отнимать много энергии, позже поток восстановится. В этом вся суть – энергия циркулирует, все кругом пульсирует, и ты живешь, а не спишь. (Движение – это жизнь, как говорили древние греки, а вслед за ними Иннокентий.) Да, кстати, если бы вдруг мужик в ботинках не дался, обругал Стаса или даже применил по отношению к нему насилие – упражнение все равно считалось бы выполненным. Мы живем не только в материальном мире, но также и в мире намерений.

Оставшиеся несколько станций до «Чертановской» Стас обдумывал задания на следующий день, а также прикидывал, что нужно вписать в отчет за неделю. Иннокентий проверял

записи еженедельно, вообще, наставник у них был грамотный, направление свое строил на древних практиках, на сегодня оно вбирало в себя всю мудрость веков. Однако прогрессивный Иннокентий не ограничивался одной древностью, не забывал он и про последние достижения современности. Тайм-менеджмент, к примеру, был его излюбленным коньком. Иннокентий говорил, что ни одна секунда не должна быть утоплена в пространстве без эффективного фидбэка⁹, обращал внимание Иннокентий и на то, что все показатели должны быть количественными, а значит, измеряемыми. И самое последнее – ставить четкие цели. Стас так и делал, три задачи в день, двадцать одно в неделю – и никаких выходных! В тайм-менеджменте выходных не бывает.

На «Чертановской» Стас вышел, офис недавно переехал из центра в Тмутаракань. Серенькое, неумытое здание находилось в пятнадцати минутах ходьбы от метро. Дорога шла вдоль оживленной улицы. По настоятельному совету Иннокентия, каждый должен был находить каждый день пятнадцать минут уединения. Кстати, эти пятнадцать минут можно провести где угодно – в толпе, на митинге: уединение заключено в тебе самом и не зависит от окружения. Молодой человек размашисто шагал по тротуару. Падали редкие капли дождя вперемешку со снежинками. Одна из снежинок упала ему на нос и, став колом, не таяла. Стас недовольно хмыкнул носом, снежинка нарушила уединение, дойдя до офиса, он внутренне улыбнулся – похоже, у него начало получаться параллелить несколько дел сразу (в материальном мире он топал на работу, в ментальном практически достиг уединения), а это уже пахивало выходом на новый уровень. Остановившись перед входом, Стас, тряхнув плечами, смахнул с себя капли и, пройдя под стеклянным куполом, приложил пропуск к считывателю. Система зафиксировала вход в здание. Вообще, система была очень умная. Датчики стояли повсюду и фиксировали всё: время прихода, ухода, перекуры, время, проведенное в столовке, просиженное в уборной. Если за день набиралось больше полутора часов простоя, сотрудник получал первое предупреждение. Еще полторашка – второе, вместо третьего – вызов к начальству. «Фикус Индастрис» совместно с новейшей системой давно приучил сотрудников все делать быстро. Но свободу можно обрести даже в застенках. Стас кивком поприветствовал коллег, с некоторыми поздоровался за руку. Рукопожатие усиливает обмен не только кишечными палочками, но и энергиями. Иннокентий особенно настаивал на том, что нужно здороваться с теми, у кого ты хочешь что-то позаимствовать, имелось в виду, конечно, личностное качество. Ты получаешь то, что нужно тебе, взамен предлагаешь что-то свое, при этом никто ничего не теряет, а все только приобретают. А это уже гармония.

Дойдя до рабочего места, Стас включил комп, в животе что-то неприятно булькнуло, как будто съел что-то несвежее. Зазвонил телефон, на экране высветились ненавистные буквы – «К-У-В-А-Л-Д-И-Н». Выслушав собеседника, Стас залез в ящик стола и, прихватив папку, потащился на третий. Кувалдин сейчас будет топтать ногами, кидаться, как тигр... «Хотя почему тигр? – остановил сам себя молодой человек. – Тигром Кувалдин был в прошлый раз, в этот раз будет... бульдогом...»

В лифте Стас поправил галстук, зачем-то дыхнул на зеркало, оставив на нем мутный след, и представил Кувалдина в наморднике и с поводком на шее. Кувалдин продолжал кидаться, разбрасывал вокруг себя слюну, чуть было не дотянулся до Стаса и не порвал ему штанину.

Выйдя из лифта, молодой человек взял себе заметку: «Спросить у Иннокентия, как научиться игнорировать Кувалдина». Можно, конечно, попробовать «Водный поток». Техника безотказная, Стас уже не раз применял её дома – и, нужно сказать, не без успеха, хотя последнее время стена воды уже не так надежно защищала его от Светки. Стас даже подозревал, что Светка тоже таскалась на какие-то тренинги.

⁹ Feedback (англ.) – отзыв, отклик, ответная реакция.

Кувалдин продолжал гавкать, даже когда Стас вышел из лифта. Конечно, Кувалдин – не Светка, тут нужна защита помощнее. Подойдя к кабинету, Стас помялся, но тут снова вспомнил про своего учителя – у Иннокентия и против Кувалдина найдется какая-нибудь методика, он её обязательно освоит и станет относиться к Кувалдину ровно, а может, даже покровительственно, доброжелательно, чем черт не шутит. А однажды... однажды вообще все будет по-другому: внешние раздражители, типа Кувалдина или Светки, просто перестанут для Стаса существовать, Стас окончательно пробудится, жизнь его станет совершеннее, он навсегда покинет свою раковину и, наконец, совершит восхождение на олимп совершенства.

Там его, конечно, уже будет ждать Иннокентий, вместе они будут сидеть, курить бамбук и ждать, когда к ним подтянутся другие.

Эстафета

– А вообще-то, он у меня покладистый. – Варвара Петровна приподнялась на подушке и бросила очередной пристальный взгляд на сидящую перед ней женщину. Женщина ей все больше и больше нравилась. Наврала про себя совсем немного, к тому же, чего греха таить, окажись Варвара Петровна на её месте, она бы, наверное, тоже скрыла подобные факты своей биографии. Эх, родственнички-родственнички, кого хочешь под монастырь подведёте...

На маленьком столике возле кровати, на которой сейчас лежала Варвара Петровна, лицом вниз покоились несколько листов с подробной справкой о госте: недвижимость, собственность, все те же родственники, кредиты, судимости (таковых не имелось), трудовой стаж и даже автомобильные штрафы – короче, вся её подноготная. В наши дни, имея связи, чего только не достанешь, а у Варвары Петровны руки были ещё какие длиннющие, если была в том нужда. Если теоретически предположить, что сидящая перед ней женщина вела с кем-нибудь тайную переписку (электронную, конечно, возможно, даже любовного характера), Варвара Петровна нашла бы лазеечку и к этим сведениям. Для этого в наши дни не нужно быть семи пядей во лбу и даже не нужно быть секретным агентом, рисуящим всякие пакости на вражеских сайтах, – нужно сделать всего лишь один звоночек, и вся переписка в лучшем (то бишь печатном) виде будет лежать на журнальном столике. Эх, если б всё в жизни так просто решалось... К имеющемуся секретному источнику Варвара Петровна обращалась крайне редко, вот и сейчас повременила. Во-первых, уже имеющаяся справка давала более чем исчерпывающий ответ касательно сидящей перед ней претендентки; во-вторых, не хотелось расширять круг лиц, посвященных в её тайну: человек слаб, знают двое – знает и свинья! Не дай Бог, сболтнет лишнее, и слухи дойдут до него! К тому же хотелось что-то оставить и для себя: первое впечатление, личный контакт – вещи немаловажные.

– Покладистый, порой даже слишком, – повторила Варвара Петровна.

Претендентка утвердительно кивнула, так, как будто уже имела возможность убедиться в том, что Петр Андреевич именно такой, каким его описывают.

– Ох, устала... – Варвара Петровна натянула до подбородка одеяло, прикрыла глаза. Этот трюк она уже проделывала не раз, и, надо сказать, многие претендентки именно на нем и срезались.

Претендентка еле слышно охнула и стала пристально рассматривать лежащую перед ней женщину, та расслабила члены и приложила максимум усилий, чтобы левое веко не дергалось. Гостыя еще раз вздохнула и аккуратно поправила сползшее вниз одеяло. Пять минут, шесть, семь. Варвара Петровна, устав от неподвижной позы, пошевелилась. «Это ж надо, сидит, как мумия, не шелохнется!» Наконец, будто спящая красавица, она распахнула редкие ресницы и, как в первый раз, поглядела на сидящую рядом женщину. «Ну наконец-то, наконец... – светилось в её глазах, на щеках заиграл лихорадочный румянец, она довольно зашуршала одеялом. – Вот и нашлась... Подходящая! Достойная!»

Стыдно сказать, чему она только не стала свидетельницей во время этого своего трюка. В основном пожаловавшие к ней претендентки за несколько минут её липового беспамяත්ства успевали как следует осмотреть комнату, была и такая, что метнулась к шкафу и, пока Варвара Петровна, раззявившая для пушшего эффекта рот, откинулась на подушке, перевернула там всё вверх дном, а одна, смешно сказать, залезла под матрас и, несмотря на возлежащую на нём хозяйку, обшарила всё и там. Люди нынче ничего не боятся... Сколько ж она пересмотрела за месяц этих горе-претенденток?.. И ни одна никуда не годились... Оставь такую с Петром Андреевичем, она же обчистит его как липку или, чего доброго, выгонит на старости лет из дому. И тут этот клад. Жемчужина!

Жемчужина, увидев, что Варвара Петровна открыла глаза, оживилась:

– Да вы скажите... Может, нужно что?

Варвара Петровна неопределенно махнула рукой:

– Подушку бы повыше, под спину.

Гостья засуетилась, подтянула Варвару Петровну и усадила, как куклу, прислонив к спинке кровати. Варвара Петровна глянула на часы, нужно поторопиться, вдруг раньше времени вернется.

– Самое главное нужно обсудить. – Хозяйка угнездилась поудобнее. – Знакомство...

Обе женщины насупились, вопрос, что ни говори, был деликатный.

– Тут вам советчик нужен. – Варвара Петровна поджала губки, личико её еще больше заострилось. – Как ни крути, а я его лучше знаю. – Хозяйка как будто бы еще раз застолбила принадлежащую ей пока территорию.

Гостья протянула к ней руку, взяла её иссохшиеся пальцы и накрыла их своей теплой ладонью. Варвара Петровна притихла, нахмурилась и все-таки отдернула руку.

– А вы очень даже... В его вкусе... Голубоглазая... Пышная, – чтоб хоть как-то разрядить атмосферу, попыталась пошутить она.

– Да что вы! – Претендентка, как семнадцатка, смутилась и аккуратно поправила блузку на действительно пышной груди. Варваре Петровне это тоже понравилось. Еще одна её догадка подтвердилась. Претендентка была женщина скромная, из того разряда, которые если и знают о своей красоте, то вроде как её и не замечают. В молодости она была безусловно хороша. Выцветшая, вылинявшая сейчас голубизна тогда еще из глаз не ушла, кожа когда-то была фарфоровой, нежной, шея длинная, это осталось, волосы седые, белые, не растрепанные, не крашенные. Сама-то Варвара Петровна была совсем не такой, всю жизнь была тонкая, звонкая, как щепка... И как он только её высмотрел? Варвара Петровна опять натянула на себя одеяло. А ведь заметил, и ведь душа в душу столько лет прожили... а сейчас... сейчас на нее смотреть страшно: кожа и кости, желтая... Варвара Петровна прикусила губу, не давая себе расчувствоваться.

– Знакомство... знакомство... – пробубнила она, однако на ум ничего не шло.

– Может быть, в магазине? – осторожно предложила претендентка.

– Да что вы?! – Варвара Петровна тут же забраковала высказанную идею. – Сам он ни в жизнь не подойдет, ну, а вы ж навязываться не станете?.. – Вопрос прозвучал утвердительно, гостья еле заметно кивнула.

– Нет, тут нужно что-то другое. – Варвара Петровна, усиленно соображая, притихла, а потом натянуто улыбнулась: – А может, на кладбище?

Претендентка всплеснула руками, ничего не сказала, только с укоризной поглядела на нее: «Да зачем же терзать себя? Мыслями такими мучить?»

Варвара Петровна, будто специально не обратив на это внимание, стала размышлять вслух:

– А что? Он будет часто меня навещать... А тут вы, посочувствуете, слово за слово...

– Варвара Петровна на полуслове запнулась, но тут же опять нашлась – было в её характере что-то несокрушимое. – Неужто забыли? «Москва слезам не верит», неугомонная-то эта где только счастье свое не искала!

Гостья промолчала, Варвара Петровна осеклась:

– Ну, где же тогда? Может, консьержкой пойдете? У нас подъезд чистенький, жильцы хорошие, я и сама одно время сидела...

Женщина качнула головой.

– Ах, ну, да... – Варвара Петровна вмиг сообразила (еще в недавнем прошлом гостья её была вон кем, а тут консьержка...).

И все-таки нужно было что-то придумать. Обе женщины опять притихли.

– А может быть, всё как-нибудь устроится, само собой. Я что-нибудь придумаю... – наконец проговорила гостья.

В стройной системе координат Варвары Петровны это было все равно что положиться на авось. Не любила она эту не очень красящую нас черту. Но сейчас от сидящей перед ней женщины, от её слов шло такое тепло, такая уверенность в том, что всё обязательно устроится, что уверенность эта передалась и ей – и она неожиданно согласилась:

– Да, и правда устроится...

Гостья вытащила из сумочки толстую записную книжку и ручку:

– Может, я тогда запишу остальное? – Ей хотелось поскорее сменить щекотливую тему.

Варвара Петровна кивнула и, стараясь ничего не забыть, начала диктовать.

– У него язва, лучше давать всё щадящее, ничего жареного, кислого, соленого, на уго-воры иногда опрокинуть рюмашечку ни за что не соглашайтесь! – Хозяйка остановилась, пере-дохнула, длинные предложения ей давались с трудом. – Того, что Петр Андреевич потребляет тайком для рубцевания язвы, вполне достаточно, – закончила мысль она.

Гостья, стараясь успевать, все старательно записывала.

– Белье я ему «Аистенком» стираю. – Варвара Петровна глянула на гостью и извиняю-щимся тоном добавила: – От остального Петр Андреевич чешется. Курить – категорически нет, будет настаивать – сразу звоните доктору.

Если будут звонить из института и надоедать, Петр Андреевичу не говорите, много раз-велось охотников свести дружбу со старым профессором. Одевать нужно тепло.

Варвара Петровна лихорадочно перескакивала с темы на тему, в эти моменты гостья отрывала глаза от бумаги и смотрела на нее чуть задумчивее, чуть печальнее.

– Ботинки обязательно сушите. И таблетки... сам не вспомнит... не попросит. Харак-тер такой, ничего никогда для себя не просил, хотя при его-то положении мог... – Варвара Петровна хотела было приподняться, но только протянула руку в направлении стены. – Да вы поглядите, там, в шкафу, и фотографии есть. Как же это я про фотографии забыла...

Гостья, чтобы только успокоить хозяйку, поскорее раскрыла дверцы шкафа.

На полке лежал старый семейный альбом, обшитый красным бархатом.

Взяла альбом и опять под села к Варваре Петровне.

Раскрыла первую страницу. Петр Андреевич, такой молодой, юный, посмотрел на них орлиным взором.

Варвара Петровна провела дрожащей рукой по его губам, волосам, глазам.

– Хорош, – проговорила она. – И сейчас хорош, а уж в молодости был какой... Только глянет, а сердце уже заходится...

Варвара Петровна перевернула страницу. Здесь они уже сидели рядом. Она в незамыс-ловатом легком платьице, Петр Андреич в белой широкополой шляпе.

– Я-то так себе была, – махнула она рукой, глядя на свое старое фото. Девки за ним такие увивались... нахалки и после свадьбы проходу не давали... а он как приклеился ко мне... Хотя не знаю, может, что и было когда... – перемахнула она еще страничку.

От страницы к странице Петр Андреевич взрослел, мужал, становился солиднее, к сере-дине альбома чуть поправился, к концу в волосах появилась седина. С последней страницы на колени гостьи сползла карточка.

– Возьмите, – попросила хозяйка.

Гостья глянула на карточку. Варвара Петровна бросила на нее... нет, не ревнивый, ско-рее, чуть тревожный взгляд. Гостья аккуратно убрала фотографию мужа лежащей перед ней женщины в сумочку и засобиравалась.

– А как же задаток, я ж вам задаток должна, – вдруг спохватилась Варвара Петровна.

– В следующий раз, я завтра приду...

– Завтра так завтра, – кивнула хозяйка. – Но вы же не откажетесь, правда? – опять спохватилась она.

– Не откажусь... – Гостя опять накрыла её руку своей ладонью и только потом взяла сумочку, прошла в прихожую, накинула на плечи платок.

* * *

Петр Андреевич сидел на лавочке возле подъезда и ждал, пока мимо него пройдет очередная претендентка. Расстраивать Вареньку лишний раз не хотелось. Если уж она так решила, то пусть так и будет. Тяжелая железная дверь ухнула, и аккуратненькая, довольно миловидная женщина вышла из подъезда.

– Эх, Варвара Петровна, и здесь знаешь, как угодить... – Петр Андреевич зашел в подъезд.

– Петенька, ты? – долетел до него угасающий голос супруги. – Холодно, шапку-то что не надел?..

– Надел, Варенька... – Петр Андреевич провел рукой по седым волосам, снял с крючка шапку, натянул её на макушку и прямо в шапке прошел в комнату.

Варвара Петровна засуетилась, приподнялась на локте, но, выбившись из сил, снова опустилась на подушки.

След на стекле

Влад не спеша вел машину. Основной пятничный поток уже схлынул, и навигатор вместо привычного для этого времени суток красного путь от офиса до дома залил зеленым. Через каких-нибудь полчаса он окажется дома, а сейчас самое время расслабиться – возможность побыть вне зоны доступа выпадает не так часто. В современных условиях для того, чтобы все оставили тебя в покое, нужно проделать ряд магических действий: сменить часовой пояс, забраться на горную вершину или дать поглотить себя морской пучине. Мир, не имея возможности дотянуться до тебя сигналом связи, перестает для тебя существовать, ну а ты – А-а-аллилуйя! – перестаешь существовать для него! Не каждый может себе это позволить, подобное осуществимо только при условии уверенного финансового присутствия, ну а деньги обладают странной особенностью: вот они есть, но сразу их нет!

Влад добавил звук, кто-то протяжно заскулил, моментально отреагировав, нажал на кнопку, панель выплюнула диск, на светофоре дотянулся до бардачка: под руку попались одноразовые салфетки с ароматом ромашки, пластиковые стаканчики, термос на один стакан и еще много ненужной ерунды, любимого диска в бардачке не оказалось.

– И здесь похозяйничала. – Мужчина с раздражением захлопнул крышку. – Хотя почему похозяйничала? – тут же осклабился он. – Машина, в конце концов, тоже её.

Старенький «Пежо» ушел с шоссе на повторитель, по правой стороне растянулся огромный строительный рынок, «пыжик» прошмыгнул мимо. Весь прошлый год прошел под эмблемой ремонта, все выходные уходило на изучение вариантов раковин и унитазов, штудирование талмудов с обоями и плиткой, сравнение цен и прочесывание рынков, не остался неохваченным ни один строительный развал в радиусе пятидесяти километров. Влад и пикнуть не успел, как оказался в самом эпицентре. Она, вечная, как Ленин, сидела рядом – не сопровождали его только на работу. Находящееся рядом сиденье сейчас пустовало, приятно побыть в машине одному.

До дома оставался квартал. Вдоль дороги замерцали украшенные разноцветными лампочками деревья, из гирлянд вырисовывались разные фигурки, одна напоминала бегущего по деревьям человека. Человеку не хватало в руке факела, тогда бы он стал похож на отважного Прометея, не побоявшегося самих богов, не говоря уже о простом смертном.

На дорогу выскочила фигура, сильно размахивая руками, бросилась наперерез старенькому «Пежо». Влад ударил по тормозам, лёг грудью на руль и, как в немом кино, одними губами что-то проговорил. Отскочив обратно на тротуар, фигура снова кинулась к машине, рванула дверь и без приглашения плюхнулась рядом.

– На Студеную... Прошу вас! Очень нужно!

– С ума сошла?! – рявкнул водитель, еще не успев прийти в себя.

– Извините, но действительно очень нужно... – попросила еще раз женщина, голос слегка просел. Влад, ухватившись за что-то в интонации, внимательно посмотрел на нечаянную пассажирку.

– Светка... Светка?... Ты?

Женщина непонимающим взглядом смотрела на него.

– Простите, – растерянно пролепетала она, догадка пробежала по лицу, уступив место растерянной улыбке. – Влад? Ты? – неуверенно спросила женщина.

– Бог ты мой, Светка! – Влад не сводил глаз с сидящей рядом женщины, резкий звук клаксона слегка привел его в чувство.

– Влад... – охнула женщина, щеки её залил румянец.

По лицу Влада пробежала улыбка, беззаботная, открытая, такая появляется только при встрече старого, доброго друга. Светик-Семицветик!

– Владок, – прошептала Светка. – Владок-холодок... – Женщина больше никуда не спешила. – Влад, – вдруг рассмеялась она, – откуда ты взялся?

Влад дернул плечом, и правда, откуда он взялся на этой дороге, в тот самый момент, когда шальная Светка, с которой они не виделись тысячу лет, чуть ли не бросилась под колеса его драндулета?

– Мы... переехали сюда... в прошлом году, – споткнулся на «мы» Влад.

– Значит, мы соседи. – Светка сделала вид, что не заметила эту маленькую заминку. – Соседи! Как в детстве! Помнишь, по батареям перестукивались?

– Один раз – жду во дворе! Два – шухер, предки дома! – скороговоркой выпалил Влад, так, как будто использовал позывной только вчера.

– А кого-нибудь из наших видел? – Светка поправила воротник платья.

– Да нет, растерял всех, а ты?

Светка отрицательно покачала головой.

– Ну а сама как? Какая же ты была тогда... недостижимая...

– Ага, недостижимая, – засмеялась Светка, как будто что-то вспомнив, посмотрела на него долго, тягуче и опять стала серьезной.

– Ну, а сейчас как? – не сводил с нее глаз Влад. Бывают случаи, когда, задавая подобный вопрос, меньше всего хочешь услышать в ответ что-то приятное.

– Сейчас? Как у всех, – поняла его Светка. Надо же, столько лет прошло, а она, как прежде, его понимала. – Занудный быт... Скуко-ота-а-а... – протянула женщина, блеснув до невозможности синими глазами.

Прозвенел телефон, Влад нехотя полез в карман пиджака.

– Да, – сухо ответил он. – Сегодня задержусь, прилетел заказчик из Читы, – и, больше не вдаваясь в подробности, отключился.

Сидящая рядом Светка улыбнулась – «не все в порядке в Датском королевстве».

Влад закинул телефон в бардачок. Больше им никто не мешал.

* * *

Спустя неделю Влад съехал с шоссе на повторитель, неторопливо проехал мимо рынка. Рядом сидела она, ездить быстро она не любила. Все новости были напичканы авариями и несчастными случаями, зачем подвергать свою жизнь лишней опасности? Неразумно... Вообще, она была очень разумная и деловая, Влад с тоской посмотрел на мелькающие лица прохожих. Сейчас каждая вторая была такая. Деловая, уверенная, всезнающая...

«Что это? Издержки времени? А может, мы сами делаем их такими?» – подумал Влад.

– Что молчишь? – повысила голос она. – Влад, я с тобой разговариваю!

– Извини, – сухо ответил он. – Что ты сказала?

– Я говорю об участке, у наших у всех дачи... в ближайшем Замкадье! – На последнем слове было сделано ударение.

Влад прекрасно понимал, зачем она это делала, никакая дача им в ближайшее время не светит, во всяком случае – пока не будут окончательно залезаны раны от ремонта, и ей это известно, как никому.

– А зачем? – после некоторой паузы спросил он. – Для кого? Детей у нас нет... – Это был удар ниже пояса, но Владу было не жаль сидящую рядом женщину, как ей было когда-то не жаль его и его семью, в которой только что родился ребенок, тогда, наверно, можно было еще что-то исправить, если бы не её железная хватка... и потрясающая предприимчивость...

– Подлец, – отвернувшись, с силой выдохнула она. – Какой же ты подлец!

Еле накапывал дождь, редкие капли упали на лобовое стекло, замелькали дворники. Дождь постепенно набирал силу, по асфальту текли бурлящие реки, прохожие разбегались в

поисках укрытия, окна в машине стали запотевать, Влад направил струи воздуха на лобовое стекло. На стекле, с её стороны, стал отчетливо виден след: два пятна, одно – почти идеально ровное, второе – чуть смазанное.

«Ступня, – безошибочно определил Влад. – Светик-Семицветик».

Неподвижная фигура так и сидела отвернувшись, еще вчера он бы, наверно, испугался, стал судорожно перебирать в голове отмазки, строить версии, только бы пустить следствие по ложному следу... Она ведь очень любила вести следствие. Влад вдруг подумал о том, что такие, как она, наверное, были незаменимы где-нибудь в Гестапо или застенках НКВД...

Влад стал набирать скорость, ему вдруг захотелось, чтобы она наконец повернулась и всё увидела... Крутанув ручку магнитолы, он усилил звук.

– Спятил?! – взвизгнула женщина, ястребиный профиль повернулся к нему и застыл, она заметила след. Влад окаменел.

Женщина открыла рот, шипение вот-вот должно было сорваться с тонких губ:

– Останови у магазина, я забыла купить йогурт. – Губы сложились в узкую линию. Она ликовала!

На деревьях зажглись огни, бесстрашный Прометей уже добыл огонь и возвращался к людям, на перекрестке Влад перестроился и повернул к магазину, купить йогурт...

Напарницы

Лизавета Николаевна встала спозаранку, но назвать себя жаворонком язык уже не поворачивался, какой там! Старость – не радость, всю ночь что спала, что не спала, а в пять утра хоть глаз коли. Всю свою жизнь старушка мечтала спать меньше, Наполеон, говорят, спал по четыре часа, потом влезал на своего Маренго и враз пол-Европы истаптывал, и что её три горы белья в сравнении с его походами?! Но теперь даже горы остались в прошлом, Лизавета Николаевна вела жизнь почти незаметную.

Не дала ей завянуть новая приятельница Евдокия Семеновна Косточкина. Женщины знали друг дружку не очень давно, лет пять как: схлестнулись по делам подъездным. С незапамятных времен Лизавета Николаевна занимала пост главной по подъезду, пост этот, надо сказать, её тяготил, требовал качеств, ей неприсущих: уверенности, напористости, решительности – так, чтоб тебе слово, а ты десять! Тебе в бровь, а ты в глаз! Лизавета Николаевна еле-еле тянула ляжку, и только из уверенности, что больше некому: народ в доме сплошь занятой, таким не до лампочек в подъезде. Вскоре она начала выбиваться из сил, несколько раз слезно просила снять её с занимаемой должности, и тут, как по волшебству, нарисовалась Евдокия Семеновна, которая переехала к ним из Мытищ.

Лёд и пламень! Такова в двух словах была эта парочка. Евдокия Семеновна как-то разом выбила пять ведер краски, выкрасила в зелёный цвет подъезд, вмиг приструнила шпану, и, кажется, даже подъездные кошки теперь не выходили на прогулку без её ведома. Лизавета Николаевна с облегчением выдохнула, но рано! Могло ли ей тогда прийти в голову, что в ведение Евдокии Семеновны попадут не только двенадцать этажей подъезда, холл, консьержка, два лифта и мусоропровод, но и она – собственной персоной. Евдокия Семеновна была из тех женщин, которые любили и умели брать на себя ответственность, в особенности если видели, что кто-то в этом нуждается. Лизавета Николаевна к такому повороту была не готова, но её никто и не спрашивал, ей осталось одно – довериться судьбе, как щепке, попавшей в пучину... Но какие бы испытания ни выпали на долю щепки, сейчас, после пяти лет знакомства, Лизавета Николаевна должна была признаться – именно с появлением Евдокии Семеновны у нее началась самая настоящая жизнь, а не откинутая через марлечку каша, когда из развлечений остается только поход в поликлинику и выклянчивание пятого за год УЗИ.

* * *

Лизавета Николаевна натянула на макушку вязаную беретку, влезла в чистенькое пальтишко. Вообще, когда они шли на дело, Евдокия Семеновна требовала, чтобы подруга одевалась с особой тщательностью, важно было создать впечатление благонадежных, а не каких-нибудь сирот, выкинутых детьми на улицу. Кстати, между старушками был также уговор: если заметут одну, другую за собой не тянуть. Одна должна остаться на воле – будет кому передачи носить, письма писать, всё не детей просить, у них и без того дел по горло. Лизавета Николаевна повесила на плечо маленькую сумочку с блестящим ремешком и двинулась в путь. Подруга жила этажом ниже, но старушки друг за другом не заходили и у подъезда не встречались, каждая следовала до места по своему маршруту.

Супермаркет «Продуктовый рай» находился в трех остановках от дома.

Для ясности уделим несколько строк и этому торговому заведению, тем более что старушкам во время холостых (иными словами, разведывательных) походов удалось кое-что о нём разнюхать. По залу супермаркета было развешено несколько камер, Евдокия Семеновна утверждала, что все они были фуфлом, Лизавета Николаевна подруге не верила (хотя вслух и

не говорила), она знала, что камеры настоящие, а Евдокия Семеновна просто её успокаивает. Персонала на весь супермаркет было всего человек десять, но в зале показывались только трое. По наблюдениям Евдокии Семеновны, эти трое были край какие бестолковые и, если бы у них из-под носа стянули слона, они бы и этого не заметили. На охране стояли двое: Геннадий или Колька. Геннадий имел внушительный вид и отличия по службе, его физиономия красовалась на стенде рядом с книгой жалоб, и это было особенно неприятно. (С ним решили не связываться.) Колька был совсем другой фрукт. За пару месяцев он успел поработать в супермаркете «25-й чулок», в овощном «Всё пучком» и даже засветился в 3D-кинотеатре «Семь ведер попкорна»... и отовсюду его выгоняли... за пьянку... Колька был как раз то что надо.

Лизавета Николаевна прибывала на место первая, на ней лежала подготовительная часть операции, старушка прошла через турникет, схватила красную на колесиках тележку – Колька проводил её осоловелым взглядом. Подруги давно разгадали хитрость администрации: Колька, конечно, ничего бы не предотвратил, но за те копейки, которые ему платили, получить живое пугало было очень заманчиво. Колька моргнул, Лизавета Николаевна задрала кверху подбородок и прошла дальше. Проходя мимо полок с собачьей едой, Лизавета Николаевна глянула на часики с кожаным ремешком: Евдокия Семеновна должна была подтянуться минут через пятнадцать. Не теряя времени, Лизавета Николаевна приступила к операции, чуть сгорбившись, засемила в овощной отдел.

На скошенном прилавке были навалены груши из Перу, яблоки из Польши, морковка из Израиля. В груди Лизаветы Николаевны кольнуло от боли за отечественного производителя, но она не позволила себе раскиснуть. Старушка остановилась возле прилавка, залезла в сумку, нацепила очки и бочком подошла к грушам, тем, что прибыли из Перу. Женщина испытала нечто вроде зависти: краснобокие полсвета облетели, а она дальше Тулы не выезжала, а уж про самолет и говорить нечего... Зато цены кусались. Рядом лежали занюханые соотечественницы. Старушка выбрала три перуанских красотки, с дрожью в коленках подошла к весам и ткнула пальцем. На кнопке была нарисована скромная груша из краев поближе. Во всяком деле есть свои тонкости. Главное – не наглеть, не выдавать яблоки за картошку... Безопаснее всего мухлевать с огурцами, все зеленые, пупырчатые, попробуй разбери, откуда прибыли, из Подмосковья или Узбекистана, а разница аж пятьдесят рубликов. Откуда-то вывезли тележку с картошкой, налетевшие со всех сторон люди спугнули старушку, создался ажиотаж, Лизавета Николаевна заглянула в тележку и чуть не прослезилась, да разве ж это картошка?! Горох! Потянулась к картошке, под шумиху накидала в пакет киви, сверху снова накидала картошки, провернула еще несколько махинаций, загрузила последний пакет и покатила в сторону касс. Навстречу ей топала Евдокия Семеновна. В её тележке лежали легальные товары, старушки, не моргнув, обменялись тележками и уже Евдокия Семеновна покатила к кассам со взрывоопасным грузом.

Началась вторая основная часть операции. Лизавета Николаевна, замерев, проводила подругу тревожным взглядом и на некотором расстоянии поехала следом. В очередь Лизавета Николаевна встала в соседнюю кассу, случись что, помочь она, конечно, не могла, задача её была стоять, хладнокровно наблюдать, а если напарницу все-таки заметут – сообщить обо всём родственникам, чтобы те не кинулись её искать по моргам и больницам.

Переминаясь с ноги на ногу и выглядывая из-за веера чупа-чупсов, Лизавета Николаевна с опаской поглядывала на подругу. По мере приближения к кассе Евдокия Семеновна принимала всё более непринужденный вид, в то время как сама она всё больше деревенела. К ужасу Лизаветы Николаевны, подруга даже лихачила: нечаянно роняла жвачки, привлекала к себе внимание. Наконец до неё дошла очередь. Бодренькая улыбчивая кассирша бросила дежурное приветствие, которое кто-то наклеил на откидывающуюся крышку кассы под самым её носом, и начала отпускать товар. Евдокия Семеновна затрещала, как трещотка, подруга, рассчитывающаяся за товар на соседней кассе, уже успела закинуть под язык таблетку. Кас-

сирша начала кидать пакеты на весы. Евдокия Семеновна была само спокойствие. На случай прокола у нее было приготовлено несколько вариантов отступления: в сумке, в прозрачном шелудивом пакете, Евдокия Семеновна держала несколько пар очков, если бы что-то пошло не так, она бы вытащила их все разом и, цепляя по очереди на нос, стала бы перебирать фрукты, рассматривать ценники и недоумевать. Делала бы она это как можно дольше, чтобы вызвать недовольство окружающих, сзади бы, конечно, быстро вышли из краев, народ-то у нас какой, начали бы подгонять, а ей того и надо... Если бы это по каким-то причинам не прокатило, у Евдокии Семеновны был в запасе ещё один трюк – с выпавшей челюстью. Но это уж совсем на крайний случай.

Всё прошло как по маслу. Кассирша назвала финальную цифру, Евдокия Семеновна расплатилась, скользнула взглядом по напарнице, старушки затарили каждая свою сумку и вышли из «Продуктового рая». Встретились напарницы за углом и вместе потащили награбленное.

Всю дорогу Евдокия Семеновна находилась в какой-то эйфории! Прикидывала экономию.

По её подсчетам, за рейд они сэкономили рублей триста – триста пятьдесят, а это аж по сто пятьдесят рэ на нос!

Лизавета Николаевна, натура сомневающаяся, подвластная всем ветрам, всё больше отмалчивалась, но порой и она позволяла себе вступить в диалог, усомниться в правильности содеянного. Евдокия Семеновна тут же ершилась, выдвигала кучу контраргументов, говорила много, жарко, уверенно. Заканчивался спор всегда одним и тем же – разгоряченная Евдокия Семеновна, испепеляя взглядом и так хлебнувшую за день Лизавету Николаевну, бросала:

– У тебя молодость отняли?

– Отняли, – несмело кивала Лизавета Николаевна, и вправду вышедшая на работу с четырнадцати лет.

– Здоровье отняли?

– Отняли, – тихонько соглашалась Лизавета Николаевна.

– Жизнь отняли?!

Лизавета Николаевна хотела было возразить, потому как жизнь-то куда принадлежала ей самой, но под грозным взглядом подруги опять соглашалась.

– Вот и сиди!!! – ставила точку в споре Евдокия Семеновна.

Остаток пути подруги шли молча.

У подружки на макушке

Быть совершенным не так-то просто, но начинать с чего-то нужно – с этим мало кто не согласится, были времена, когда люди совсем не заботились о красоте ногтей, игнорируя даже классиков, недавно все коренным образом изменилось (технологии ли в этом виноваты или настырное стремление человека (а женщины, как лучшей его части) до кончика последнего пальчика быть неотразимым – в этом пусть разбираются социологи, я лишь отмечу, что в наше время некоторые женщины не соглашаются без маникюра даже быть похороненными. Плохо это или хорошо, ярлыки пусть расклеивают те, у кого больше ни на что не хватает, я лишь предположу, что труды эти не пропадут даром, во всяком случае это поможет археологам из далекого будущего (если к тому времени профессия эта еще не вымрет) определить и наше маленькое звено в развитии человечества – кто знает может как появился когда-то Хомо Сапиенс, Хомо Эректус, появится однажды и Хомо Маникюрус, определяя и наше место в линейке предков.

У Ирины, мастера к которому ходила Вика (раз в три недели зимой и каждую неделю летом) на ближайшие три дня была полная запись (И что было не позвонить в салон хотя бы чуточку пораньше?!), другому мастеру Вика свои ручки-ножки доверять не хотела, стратегически маникюр был нужен во вторник, в остальные же дни на этой неделе, не знаю, как другие, а Вика без маникюра выйти из дома не могла – в этом нет ничего странного, некоторые не могут пешком доехать до аптеки за углом, если под окном стоит машина и никто этому давно не удивляется. Девушка подчистила где надо лопатой, попилила, поточила, осторожно, чтобы не повредить древние артефакты, смахнула микроскопический слой пыли, нанесла два слоя геля, лака, финишное покрытие, слой сушки, чтобы все как следует забетонировать, сверху накидала груды разноцветных камней и для красоты прилепила бабочку – Вика все делала основательно и терпеть не могла, когда лак местами облупливался. Чтобы все как следует высохло девушка расправила ноги и крылья на диване так, чтобы не дай бог ничего не смазать и, тыкнув в телефон самым кончиком только что сделанного маникюра, набрала Машу.

С одной стороны в контактах Вика была очень разборчива (если не привередлива), с другой в контактах её новенького Самсунга черт бы и тот ногу сломал, не было там только Бенедикта Камбербэтча и его напарника (Вика постоянно забывала как его звали), периодически всплывали какие-то Даши-Димы-Кати, откуда взялись все эти люди и как попали к ней в телефон вспомнить Вика не могла, периодически кто-нибудь из них пытался выйти на контакт, неопознанные объекты все прибывали и прибывали, отследить место их первоначального происхождения или хотя бы аэропорт, с которого они вылетели не представлялось возможным, да и как тут отследить и запомнить, когда состоишь членом нескольких групп, регулярно на что-то подписываешься, принимаешь активное участие в общественной жизни трех чатов, двух блогов, как белка крутишься в спамокруговороте, поддерживаемого на Андроид, IOS и Windows, в каких только не мелькая окна. Машу Вика набрала просто потому, что Маша не пила-не курила, а была доступна (во всяком случае именно об этом говорил ее статус).

Осторожно, одним указательным пальцем Вика тыкнула на громкую связь. Если бы в доэппловский телефонах была громкая связь, Ной бы всех обзвонил и спас даже тех, у кого аппарата не было, функция очень удобная, сейчас ею не пользуется только ленивый – личное перетекает в общественное, общественное струится и просачивается в личное, грань того и гляди сотрется, если еще не стерлась. Должно быть скоро ничего не останется от слоеного пирога классов и сословий (телефон и тот выпадет из критериев классификации и отбора), останется только два вида людей: те, которые сохраняют себе право на личное, и те, которые и на шаг не отползут от лупы. Вике очень хотелось поделиться личным. Если вы девушка на выданье, хочется хоть с кем-нибудь обсудить созревшее. Так уж получилось, что жила Вика

с мамой и бабушкой – древний, дремучий народ, обитающий вдоль устья рек и за стенкой на кухне, сейчас ни одной, ни другой дома не была, бабка с тех пор как ей на Новый год Дед мороз принес шагомер бегала по району, отмеряя ближайший продуктовый, ближайшую аптеку, ближайший рынок – ближайшую поликлинику было видно из окна, но бабка чем дальше, тем меньше верила своим глазам и перепроверяла расстояние инструментом. (Вику, кстати, по тому же принципу 20 лет назад отдали именно в ту школу, которую отдали, поблизости было две школы, но до одной было идти на 120 шагов ближе, чем до другой, мать тогда не поленилась, вручную все посчитала.)

Делиться чем бы то ни было и, тем более обсуждать с ними личные вопросы Вика не могла, мать воспитала её одна, какая она ей советчица? Выскочила когда-то не известно за кого замуж, а потом ни ушей, ни алиментов, нашла её в капусте – такой судьбы Вика себе не хотела, к тому же однажды мать ей уже насоветовала, в самом что ни на есть поворотном моменте – Вика только закончила школу, пришло время определиться с профессией, мать и подсказала, что ей очень идет белый халат, во всяком случае больше, чем тот же белый колпак. Вика, не будем уж говорить как, главное, что поступила в медучилище, с тех пор и носит горшки с котлетами, а сама вся в белом...

– Але, привет, как дела, – фраза эта проходящая, не несет никакой смысловой нагрузки, по традиции она еще вставляется, но, если так пойдет, вскоре она превратится в ничего не дающего, а только заполняющего место «паразита».

– Нормуль, – ответила Маша понятно, хотя и немногословно. Язык, если вы еще не заметили, имеет тенденцию к уплотнению, в нем самом, как мне кажется, заложено стремление ни к экономии, а к целесообразности – говорить меньше, да лучше, не пуская слов на ветер и без них наводя мосты. За счет смысловой многоэтажности (и много чего другого) будет нарастать содержательная емкость при малой части айсберга, торчащей на уровне звука. Многие считают, что молодежь говорит грубо, рвано, я бы с этим не согласилась, на лету хватая тенденции, молодые люди говорят кратко, ёмко, очень точно отражая смысл, возможно иногда и теряя в «наполненности», но уж точно лучше, чем их растекающиеся по дереву родители... говорил-говорил, а о чем был спич так никто и не понял. Со временем, когда обычный человеческий середнячок начнет и мыслить, и понимать, да не абы как, а с полуслова, язык и вовсе истончится до писка комара, которого будет хватать и для любви, и для взаимопонимания, и для строительства более прочных взаимоотношений.

– Как дела на личном фронте? – Вика задала тот самый вопрос, который сама хотела услышать, более того, всегда приятно задать такой вопрос подруге, если знаешь, что у нее вот уже полгода на горизонте никого и даже на запасном аэродроме не жужжит ни один пропеллер. (Подруге, которая еще и считает себя тебя красивее.) Маша держала одного мальчика для мелких поручений, видно все надеялась на то, что во что-то могут развиваться и эти зачаточные отношения.

Маша выложила все как на духу: полный тухляк, ни героя, ни воздыхателя. Так ходит один, на безрыбье и рак свиснет! Ахи и вздохи на хлеб не намажешь, в магазине вместо карточки не предьявишь!

– А у тебя? – спросила в ответ Маша.

– Вовчик проходу не дает, подкарауливает у подъезда, – Вика впрыснула информацию микроскопической дозой, чтобы Маша не захлебнулась от счастья за подругу. Маша пока не знала ни кто такой Вовчик, ни то, что у него есть квартира, пока не отделанная, в новостройке, ни то, что машину купили родители, еще в институте, а сами живут где-то в поселке Новые грязы, не знала, пока ей об этом не рассказала Вика.

– Упакованный мальчик, – Маша с такими уже дела имела, один ее знакомый тоже был упакованный, а оказался наркошей со стажем – курил гашиш, деревья гнулись! Об этом Маша, конечно, распространяться не стала (Вовчика Маша всегда, а в особенности перед подругами,

выставляла в лучшем свете, сзади с подсветкой), подруга поинтересовалась где мальчик работает, Вика объяснила, что в динамично развивающейся компании, должность она точно не помнила, хотя и попыталась что-то изобразить.

После случайно оброненного «шикарно» разговор достиг такой степени интимности, что Маша спросила и про зарплату. Мужчинам в лоб Вика такие вопросы никогда не задавала, существуют более ювелирные методы (хотя ювелирка обратно в деньги не конвертируется). Всё не так прозрачно, на вид мужчина может быть прижимистым, а с хорошей зарплатой, а другой может гульнуть на последнее, а потом сосать у медведя лапу – несмотря на юный возраст Вика, надо отдать ей должное, понимала, что на зарплату живут только те, кому жить больше не на что, и нужно наоборот стремиться к тому, чтобы, не дай бог, не жить на зарплату, а иметь другие, более надежные источники дохода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.